

РИК РИОРДАН

ГЕРОИ ОЛИМПА

КНИГА 5
КРОВЬ ОЛИМПА

Вселенная Перси Джексона

Рик Риордан
Кровь Олимпа

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Риордан Р.

Кровь Олимпа / Р. Риордан — «Эксмо», 2014 — (Вселенная
Перси Джексона)

ISBN 978-5-04-156310-3

Мир медленно, но верно погружается в хаос. Богиня земли Гея готова возродиться, что грозит неминуемой гибелью всего живого. Греки и римляне на пороге войны. Чтобы не допустить кровопролития, отважная команда подростков решает доставить в Лагерь Полукровок статую Афины Парфенос, которую давным-давно римляне украли у греков. Опасности грозят им на каждом шагу, кроме того, за ребятами по пятам следует охотник, посланный Геей, – титан Орион. Он во что бы то ни стало должен их остановить. Сумеют ли друзья выжить, а главное, спасти разрушающийся мир или кровь Олимпа все-таки прольется? Пятая книга суперсериала от создателя цикла о Перси Джексоне, ставшего одним из самых популярных литературных персонажей последних лет!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-156310-3

© Риордан Р., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

I. Джейсон	6
II. Джейсон	9
III. Джейсон	18
IV. Джейсон	22
V. Рейна	28
VI. Рейна	33
VII. Рейна	38
VIII. Рейна	43
IX. Лео	46
X. Лео	53
XI. Лео	57
XII. Лео	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Рик Риордан

Кровь Олимпа

Rick Riordan

THE HEROES OF OLYMPUS BOOK 5: THE BLOOD OF OLYMPUS

Copyright © 2014 by Rick Riordan

Published by Disney-Hyperion, an imprint of Disney Book Group

Permission for this edition was arranged through the Nancy Galt Literary Agency

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Посвящается моим замечательным читателям. Простите за то извинение (насчет сцены над бездной). В этой книге я постараюсь обойтись без подобных сцен. Ну разве что несколько маленьких сценок добавлю... потому что я люблю вас, ребята.

*На зов ответят семь полукровок,
В огне и буре мир гибнет снова.
Клятву сдержи на краю могилы,
К Вратам смерти идут вражьи силы.*

І. Джейсон

Джейсон ненавидел свою старость.

У него болели суставы, дрожали ноги. Он взбирался на холм, и в легких у него хрипело, как в коробке с камешками.

Благодарение небесам, он не мог видеть свое лицо, но пальцы у него огрубели и стали костлявыми, а кисти рук с тыльной стороны покрылись сетью взбухших синих вен.

От него теперь даже пахло как от старика – нафталином и куриным бульоном. Как такое возможно? За считанные секунды он из шестнадцатилетнего стал семидесятипятилетним, а старческий запах накопил мгновенно – бум! Поздравляем, ты воняешь!

– Почти добрались, – улыбнулась ему Пайпер. – Ты держись просто прекрасно.

Легко ей говорить. Пайпер и Аннабет изменили облик и теперь выглядели как две очаровательные греческие девушки-служанки. Даже одетые в длинные белые платья без рукавов и сандалии на шнурках, они не испытывали никаких трудностей при ходьбе по горной тропинке.

Каштановые, с красноватым отливом волосы Пайпер были собраны вверх и заплетены вокруг головы, на руках блестели красивые серебряные браслеты. Она походила на древнюю статую своей матери Афродиты, которую Джейсон находил немного устрашающей.

Если ты встречаешься с красивой девушкой, это и так порядком действует на нервы, но если мать твоей девушки еще и богиня любви... да уж. Джейсон вечно боялся сделать что-нибудь неромантичное – вдруг тогда мама Пайпер грозно глянет на него с горы Олимп и превратит в дикого кабана.

Джейсон поднял голову: до вершины оставалось пройти еще метров сто вверх по склону.

– Вся эта затея на редкость дурацкая. – Он прислонился к кедру и вытер пот со лба. – Магия Хейзел сработала малость чересчур. Если придется драться, я буду бесполезен.

– До этого не дойдет, – пообещала Аннабет, нервно оглядывая свой наряд служанки. Ей все время приходилось горбиться, чтобы платье не соскальзывало с плеч. Заколотые в пучок светлые волосы девушки выбились и растрепались, так что казалось, будто у нее на голове сидит, болтая длинными лапами, паук. Памятуя о ее ненависти к паукам, Джейсон предпочел оставить это сравнение при себе.

– Мы проникаем во дворец, – сказала дочь Афины, – добываем нужную информацию и уходим.

Пайпер поставила на землю амфору – высокий керамический сосуд для вина, – в которой прятала свой меч.

– Мы можем немного отдохнуть. Отдышись, Джейсон.

На веревке, опоясывающей талию Пайпер, висел волшебный рог изобилия, а где-то в складках платья скрывался нож Катоптрис. Девушка выглядела безобидной, однако в случае необходимости могла одновременно орудовать двумя клинками из небесной бронзы или выстрелить в лицо врагу спелыми манго.

Аннабет сняла с плеча свою амфору. Она тоже несла в ней спрятанный меч, но даже безоружная вид имела грозный. Глаза цвета серого штормового неба пристально оглядывали местность, высматривая любые угрозы. Пожалуй, решил Джейсон, если бы какой-то тип попросил у Аннабет попить водички, она лягнула бы его прямо по *bifurcum*.

Он попытался выровнять дыхание.

Под ними блестел залив Афалес, вода в нем искрилась такой синевой, что казалось, в нее вылили пищевой краситель. В нескольких сотнях метров от берега стоял на якоре «Арго-II»; белые паруса его выглядели точно почтовые марки, а девяносто весел казались зубочистками. Джейсон представил, как друзья на палубе, наблюдая за его потугами, по очереди смотрят в подозрительную трубу Лео и стараются сдержать смех, глядя, как дедушка Джейсон ковыляет в гору.

– Дурацкая Итака, – пробормотал юноша.

Впрочем, подумалось ему, остров довольно красив. От горного массива в центре острова огромными змеями спускались к берегам лесистые гребни холмов. Белые как мел откосы с разбегу ныряли в море. Узкие заливы образовывали скалистые пляжи и гавани, вдоль которых лепились дома с красными крышами и покрытые белой штукатуркой церкви.

На холмах разноцветными точками пестрели маки и крокусы, росли дикие вишни. Легкий бриз нес аромат цветущего мирта. Всё прекрасно, кроме температуры: сорок градусов по Цельсию. Было душно, как в римской бане.

Джейсону не составило бы никакого труда призвать на помощь ветры и долететь до вершины холма, но *не-е-ет*. Чтобы не сорвать их коварный план, ему приходится ползти из последних сил, как какому-то старикашке с больными коленями, от которого воняет куриным бульоном.

Он вспомнил свой недавний подъем в гору две недели назад, когда они с Хейзел столкнулись с разбойником Скироном в холмах Хорватии. По крайней мере, тогда он был в полной силе. То, с чем им предстояло встретиться сейчас, будет страшнее какого-то разбойника.

– Вы уверены, что это тот самый холм? – спросил он. – Здесь как-то... даже не знаю... тихо.

Пайпер окинула взглядом линию горного хребта. В ее волосы было вплетено ярко-синее перо гарпии – сувенир, полученный во время нападения, случившегося прошлой ночью. Перо не очень-то сочеталось с ее надетым для маскировки нарядом, но Пайпер получила его, победив целую стаю демонических куриц – в одиночку, во время дежурства. Она приуменьшила свои заслуги, но Джейсон ясно видел – девушка горда собой. Перо словно свидетельствовало: она уже не та, что год назад, когда они только-только покинули Лагерь полукровок.

– Развалины вон там, – заверила она Джейсона. – Я видела их на клинке Катоптриса. Ты и сам слышал, что сказала Хейзел. «Самая большая...»

– «Самая большая концентрация духов зла, какую я когда-либо ощущала», – повторил Джейсон. – Ага, звучит просто здорово.

После того как они с боем прорывались через подземный храм Аида, Джейсон меньше всего хотел снова иметь дело со злобными духами, но на кону стоял исход всего их путешествия. Команде «Арго-П» пришлось принять очень важное решение. Если бы они ошиблись с выбором, то потерпели бы неудачу и весь мир был бы разрушен.

Клинок Пайпер, магическое чутье Хейзел и инстинкты Аннабет сошлись в одном – ответ лежал здесь, на Итаке, в древнем дворце Одиссея, где орды злых духов собрались в ожидании приказов Геи. План друзей состоял в том, чтобы прокрасться мимо духов, выяснить, что происходит, и решить, как действовать дальше. А потом смыться – желательно живыми.

Аннабет поправила свой золотой пояс:

– Надеюсь, наша маскировка продержится. Женихи и при жизни-то были жуткими типами. Если они обнаружат, что мы полубоги...

– Магия Хейзел сработает, – сказала Пайпер.

Джейсону очень хотелось в это верить.

Женихи. Сотня самых жадных, самых злобных головорезов, когда-либо живших на земле. Когда Одиссей, греческий царь Итаки, пропал после Троянской войны, эта шайка третьесортных князьков захватила его дворец и отказалась уйти: каждый надеялся жениться на царице Пенелопе и таким образом захватить царство. Одиссей сумел вернуться тайком и перебил их всех – вот уж действительно счастливое возвращение домой. Однако если видения Пайпер верны, теперь женихи вернулись и рыщут по дворцу, в котором умерли.

У Джейсона в голове не укладывалось, что он вот-вот попадет в тот самый дворец Одиссея, одного из самых знаменитых древнегреческих героев всех времен. С другой стороны, за время их путешествия одно невероятное событие следует за другим. Аннабет и сама только-

только вернулась из вековых глубин Тартара. Припомнив всё это, Джейсон решил, что, пожалуй, не стоит жаловаться на свое превращение в старика.

– Ну что... – он оперся на свою палку. – Если я выгляжу настолько старым, насколько себя ощущаю, то моя маскировка просто идеальна. Идемте.

Они продолжили подъем. По шее Джейсона текли струйки пота, икры болели; несмотря на жару, юноша весь дрожал. Как он ни старался, ему никак не удавалось отделаться от воспоминаний о своих недавних снах.

А после того как друзья побывали в Доме Аида, эти сновидения сделались еще более яркими.

Иногда Джейсон стоял в подземном храме Эпира, над ним нависал гигант Клитий и говорил, точно хор бестелесных голосов: «Вы и вместе-то с трудом меня победили. А что будете делать, когда моя мать откроет глаза?»

В другой раз Джейсон оказывался на вершине Холма полукровок, а перед ним из почвы вырастала мать-земля Гея: похожая на смерч фигура из грязи, листьев и камней.

«Бедное дитя, – ее голос эхом раздавался вокруг, сотрясая каменную породу под ногами Джейсона. – Твой отец первый среди богов, а ты вечно лишь второй – что среди твоих римских товарищей, что среди греческих друзей, – даже в твоей собственной семье. Как ты надеешься себя проявить?»

События самого страшного сна начинались во дворе «Волчьего дома» в Сономе. Перед Джейсоном стояла богиня Юнона, от нее исходило сияние, как от расплавленного серебра.

«Твоя жизнь принадлежит мне, – гремел ее голос, – Умиротворение от Зевса».

Джейсон знал, что нельзя смотреть, но не мог закрыть глаза, а Юнона превращалась в сверхновую звезду, принимая свою истинную божественную форму. Боль иссушала разум Джейсона. Его тело сгорало, превращаясь в золу, распадаясь слой за слоем, точно луковица.

Потом картинка менялась. Джейсон по-прежнему находился в «Волчьем доме», только теперь он был малышом – не старше двух лет. Перед ним на коленях стояла женщина, от нее знакомо пахло лимоном. Черты ее лица расплывались как в тумане, но он знал ее голос, ясный и ломкий, будто тончайшая корочка льда над быстрым ручьем.

«Я вернусь за тобой, мой милый, – говорила женщина. – Я скоро тебя увижу».

Всякий раз, когда Джейсон просыпался после этого кошмара, его лицо покрывали капли пота, а глаза щипало от слез.

Нико ди Анджело предупреждал их: Дом Аида расшевелит худшие воспоминания, заставит видеть и слышать события из прошлого. Собственные призраки не дадут полубогам покоя.

Джейсон надеялся, что один призрак все же не явится ему, но каждую ночь сон становился только хуже. А теперь он поднимается к руинам дворца, в которых засела армия призраков.

«Вовсе не обязательно, что *она* будет там», – уговаривал себя Джейсон.

И никак не мог унять дрожь в руках. Каждый шаг давался труднее, чем предыдущий.

– Почти добрались, – сказала Аннабет. – Давайте...

БУМ! Склон холма содрогнулся. Где-то за его гребнем раздался дружный рев толпы, словно там был полный амфитеатр зрителей. От этого звука Джейсона мороз продрал по коже. Не так давно он сражался за свою жизнь на арене римского Колизея под улюлюканье толпы призраков и вовсе не горел желанием снова пережить такое.

– Что это за взрыв? – спросил он.

– Не знаю, – сказала Пайпер. – Но судя по звукам, веселье там идет полным ходом. Пошли, заведем парочку мертвых друзей.

II. Джейсон

Вообще-то ситуация оказалась хуже, чем Джейсон предполагал.

Хотя веселились тут действительно на полную катушку.

Выглянув из-за ветвей олив, росших на вершине холма, он увидел нечто вроде вышедшей из-под контроля вечеринки студентов-зомби.

Сами развалины особого впечатления не производили: несколько каменных стен, заросший сорняками центральный дворик, вырубленный в скале лестничный колодец, ведущий в никуда; яма, накрытая парой листов фанеры; металлические леса, поддерживающие потрескавшуюся арку.

Однако на руины «накладывался» пласт другой реальности – призрачный мираж дворца, каким он, вероятно, выглядел в пору своего расцвета. Стены трехэтажного здания покрывала белая штукатурка, вдоль них тянулись балконы. Колонные портики окружали центральный атриум с огромным фонтаном и медными жаровнями. За дюжиной праздничных столов сидели призраки: смеялись, ели, толкали друг друга локтями.

Джейсон ожидал увидеть около сотни духов, но их тут собралось примерно вдвое больше; они гонялись за призрачными служанками, били тарелки и кубки – словом, вели себя безобразно.

Многие выглядели как лары из Лагеря Юпитера – прозрачные пурпурные духи в туниках и сандалиях. У нескольких пирующих тела уже разлагались, а плоть стала серой, волосы были спутанными и имелись страшные раны. Другие казались обычными смертными: некоторые одеты в тоги, некоторые – в современные деловые костюмы и рабочую солдатскую одежду. Джейсон даже заметил одного парня в фиолетовой футболке Лагеря Юпитера и доспехах римского легионера.

В центре атриума через толпу маршировал упырь с серой кожей, одетый в лохмотья, некогда бывшие греческой туникой; над головой он держал мраморный бюст, точно это приз победителю спортивного состязания. Другие призраки подбадривали его криками и хлопали по спине. Когда упырь подошел поближе, Джейсон разглядел, что горло у него пробито стрелой – ее оперенный конец торчал прямо из кадыка. Однако больше всего Джейсона встревожил тот факт, что бюст в руках упыря был бюстом... неужели Зевса?

Трудно было сказать наверняка. Большинство статуй древнегреческих богов похожи одна на другую, и все же бородатое, хмурое лицо напомнило Джейсону гигантского хипповатого Зевса из домика номер один в Лагере полукровок.

– Наше следующее подношение! – прокричал упырь, голос его звучал неестественно из-за застрявшей в горле стрелы. – Давайте покормим мать-землю!

Пирующие завопили и застучали кубками по столам, а упырь направился к центральному фонтану. Толпа расступилась, и Джейсон осознал, что фонтан наполнен вовсе не водой. С метровой высоты пьедестала вверх била струя песка, белые песчинки образовывали похожую на зонт завесу и падали в округлый резервуар.

Упырь швырнул мраморный бюст в фонтан. Едва голова Зевса коснулась песчаного потока, мрамор рассыпался, словно его пропустили через дробилку для дерева. Песок блеснул золотом – такой цвет имеет икор, кровь богов. Потом вся гора заурчала, раздалось приглушенное «БУМ», как будто кто-то рыгнул после еды.

Мертвые гуляки одобрительно взревели.

– Есть еще статуи? – закричал упырь, обращаясь к толпе. – Нет? Тогда, похоже, нам придется подождать настоящих богов, чтобы принести их в жертву.

Его товарищи захохотали и принялись аплодировать, а упырь плюхнулся за ближайший пиршественный стол.

Джейсон изо всех сил вцепился в свою палку:

– Тот парень только что распылил моего отца. Да кем он себя возомнил?!

– Думаю, это Антиной, – предположила Аннабет, – один из предводителей женихов. Если я правильно помню, Одиссей прострелил ему горло стрелой.

Пайпер поморщилась:

– Но это ничему его не научило, и парень продолжает выпендриваться. А что насчет остальных? Почему их так много?

– Не знаю, – пожала плечами Аннабет. – Наверное, свежие новобранцы Геи. Должно быть, некоторые вернулись к жизни прежде, чем мы закрыли Врата смерти. А некоторые просто духи.

– А некоторые – вурдалаки, – заметил Джейсон. – Те, что с открытыми ранами и серой кожей, вроде Антиноя... Мне уже приходилось сражаться с такими.

Пайпер подергала синее перо гарпии:

– А их можно убить?

Джейсон вспомнил, как несколько лет назад Лагерь Юпитера отправил его на задание в Сан-Бернардино.

– Это непросто. Они сильные, быстрые и умные. А еще – питаются человеческой плотью.

– Просто сказка, – пробормотала Аннабет. – Не вижу другого выхода, кроме как придерживаться плана. Расходимся, проникаем в тыл противника, узнаем, почему они здесь. Если дело примет скверный оборот...

– Переходим к запасному плану, – закончила Пайпер.

Джейсон ненавидел запасной план.

Перед тем как ребята покинули корабль, Лео выдал каждому из них по сигнальной ракете размером со свечу для торта – на крайний случай. Предполагалось, что если подбросить ее в воздух, она выстрелит вверх зарядом белого фосфора, и оставшиеся на «Арго-II» полубоги получат предупреждение: отряд попал в беду. В таком случае у Джейсона и девушек останется несколько секунд, чтобы найти укрытие, после чего корабельные катапульты обстреляют то место, над которым появится сигнал, обрушив на дворец греческий огонь и шрапнель из небесной бронзы.

Не самый безопасный план, но, по крайней мере, Джейсон испытывал некоторое удовлетворение: если дело запахнет керосином, они смогут нанести удар с воздуха на эту шумную толпу мертвяков. Конечно, всё это при условии, что он и его друзья успеют удрать. И при условии, что апокалиптические свечи Лео не выстрелят нечаянно – с изобретениями Лео такое порой случалось: в таком случае здесь станет намного жарче и можно с вероятностью в девяносто процентов прогнозировать огненный конец света.

– Вы там поосторожнее, – напутствовал он Пайпер и Аннабет.

Пайпер крадучись стала обходить гребень горы слева, Аннабет пошла направо. Джейсон, опираясь на палку, с усилием поднялся и, прихрамывая, направился к развалинам.

Ему вспомнился тот последний раз, когда он врезался в толпу злобных духов в Доме Аида. Если бы не Фрэнк Чжан и Нико ди Анджело...

Боги... Нико.

Последние несколько дней, жертвуя часть своей еды Юпитеру, Джейсон молил своего отца помочь Нико. На долю этого мальчишки выпало так много всего, и всё же он вызвался выполнить самую трудную работу: перевезти статую Афины Парфенос в Лагерь полукровок. Если он потерпит неудачу, греческие и римские полубоги перебьют друг друга, и тогда, вне зависимости от того, что случится потом, «Арго-II» не вернется домой – некуда будет возвращаться.

Джейсон прошел через призрачные дворцовые ворота, в последний миг заметив, что кусок мозаики на полу перед ним всего лишь иллюзия, повисшая над выкопанной экскаватором трехметровой ямой. Он обогнул ее по краешку и пошел дальше, во дворик.

Два уровня реальности напомнили ему цитадель титанов на горе Отрис – хаотичный лабиринт стен из черного мрамора, которые то таяли во тьме, то снова твердели. По крайней мере, в той битве Джейсон командовал сотней легионеров, а теперь в его распоряжении только тело старика, палка и две подруги в облегающих платьях.

Впереди, примерно в дюжине метров от него, Пайпер пробиралась через толпу, улыбаясь и наполняя вином кубки пирующих призраков. Если она и боялась, то умело это скрывала. Пока что призраки не обращали на нее особого внимания. Очевидно, магия Хейзел действовала.

В нескольких метрах справа от Джейсона Аннабет собирала со столов пустые тарелки и кубки. Она не улыбалась.

Джейсон вспомнил свой разговор с Перси, состоявшийся незадолго до того, как отряд покинул корабль.

Перси стоял у поручней палубы, чтобы наблюдать за возможными опасностями с моря, но ему не нравилось, что Аннабет предпринимает вылазку без него, – особенно если вспомнить, что они впервые расставались с тех пор, как выбрались из Тартара.

Он потянул Джейсона в сторонку:

– Слушай, старик... Аннабет прибила бы меня, если бы я только заикнулся, что кто-то должен ее охранять...

Джейсон рассмеялся:

– Да уж, это точно.

– Ты всё-таки приглядывай за ней, ладно?

Джейсон сжал плечо друга:

– Я прослежу, чтобы она вернулась к тебе целой и невредимой.

Теперь Джейсона мучил вопрос: сумеет ли он выполнить обещание?

Он подошел к толпе призраков.

Дребезжащий голос выкрикнул:

– Ир!

Прямо перед ним стоял Антиной, оживший мертвец со стрелой в горле.

– Ах, старый попрошайка, неужто это ты?

Магия Хейзел делала свое дело. Перед лицом Джейсона запульсировал холодный воздух – это Туман незаметно изменял внешность юноши, заставляя женихов видеть то, что они ожидали увидеть.

– Точно, это я! – кивнул Джейсон. – Ир!

К ним обернулись еще с дюжину призраков. Некоторые нахмурились и схватились за рукояти пылающих пурпуром мечей. Джейсон слишком поздно сообразил, что неизвестный Ир мог быть их врагом, но идти на попятную было уже невозможно.

Он заковылял вперед, изо всех сил стараясь выглядеть старым и дряхлым.

– Кажется, я опоздал на праздник. Надеюсь, вы оставили мне немного еды?

Один из призраков ухмыльнулся с отвращением:

– Неблагодарный старый нищий. Мне убить его, Антиной?

У Джейсона напряглись мышцы шеи.

Секунды три Антиной смотрел на Джейсона, потом тихо засмеялся:

– Сегодня я в хорошем настроении. Идем, Ир, присоединяйся ко мне за моим столом.

У Джейсона не осталось выбора. Он сел напротив Антиной, а вокруг столпилось еще больше призраков, – они обменивались недобрыми взглядами, словно ждали начала убойного матча по армрестлингу.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что глаза у Антиноя совершенно желтые; его тонкие, как бумага, губы растянулись в волчьей ухмылке. Сначала Джейсону показалось, что что-то происходит с темными курчавыми волосами упыря, но потом он понял, что из черепа Антиноя непрестанно сочится, стекая на плечи, поток грязи. Еще больше грязи вытекало из пробитого стрелой горла упыря.

«Сила Геи, – подумал Джейсон. – Земля не дает этому парню распасться на части».

Антиной подвинул через стол золотой кубок и блюдо с едой:

– Не думал встретить тебя здесь, Ир. Впрочем, полагаю, даже нищий может просить возмездия. Пей. Ешь.

В кубке плескалась густая красная жидкость. На тарелке дымился большой кусок коричневого мяса неизвестного происхождения.

Желудок Джейсона взбунтовался. Даже если он не помрет от вурдалачьей еды, его девушка-вегетарианка ни за что не будет его целовать минимум месяц.

Он вспомнил, что сказал ему Нот, южный ветер: «Ветер, что дует беспечно, никому не несет пользы».

Вся карьера Джейсона, которую он сделал в Лагере Юпитера, строилась на умении делать правильный выбор. Он присматривался к полубогам, выслушивал мнение всех сторон, находил компромиссы. Даже если его раздражали римские традиции, он сначала думал, а потом действовал. Он никогда ничего не делал сгоряча.

Нот предупредил юношу, что такая рассудительность его погубит. Джейсону следует перестать осторожничать и начать брать то, что нужно.

Если он сейчас неблагодарный нищий, – нужно вести себя соответствующе.

Джейсон оторвал кусок мяса и запихнул себе в рот, жадно сделал несколько глотков красной жидкости (к счастью, судя по вкусу, это оказалось разбавленное водой вино, а не кровь или яд). Он едва не подавился, но постарался не подавать виду.

– Вкуснятина! – он вытер рот. – А теперь расскажите мне об этом... как вы там говорили? О возмездии? Где мне подписаться?

Призраки засмеялись. Один толкнул его в плечо, и Джейсон с ужасом понял, что почувствовал этот тычок.

Лары в Лагере Юпитера не имели физических тел, а эти духи явно материальны – а значит, резко возросло число врагов, которые могут бить, колоть или обезглавить его.

Антиной подался вперед:

– Скажи-ка, Ир, что ты можешь предложить? Нам не нужно, чтобы ты был у нас на посылках, как в старые времена. Ты определенно не боец. Помнится мне, Одиссей сломал тебе челюсть и пинками прогнал в свинарник.

На Джейсона снизошло озарение. Ир... Старый нищий, бегавший по поручениям женихов за объедки. Ир был для них чем-то вроде ручного бездомного бродяги. Когда Одиссей, переодевшись нищим, вернулся домой, Ир вообразил, что на его территорию посягает новый кандидат в приживалы. Эти двое начали ругаться...

– Ты заставил Ира... – Джейсон помедлил. – Ты заставил меня драться с Одиссеем. Ставил деньги. Даже когда Одиссей снял рубашку и все увидели его мускулы... ты всё равно заставлял меня драться. Тебе было наплевать, выживу я или умру!

Антиной оскалился, показав острые зубы:

– Конечно, мне было наплевать. Мне и сейчас плевать! Однако ты здесь, а значит, у Геи есть причина, по которой она выпустила тебя обратно в мир смертных. Скажи, чего ради нам делить с тобой трофеи?

– Какие трофеи?

Антиной развел руками:

– Весь мир, дружище. Когда мы впервые здесь встретились, то хотели захватить только земли Одиссея, его деньги и жену.

– Особенно жену! – Какой-то лысый призрак в лохмотьях ткнул Джейсона локтем в ребро. – Пенелопа была такой горячей пышечкой!

Краем глаза Джейсон заметил Пайпер, подававшую вино на соседний стол. Она незаметно поднесла палец ко рту, показывая, что ее сейчас стошнит, потом снова начала кокетничать с покойниками.

Антиной нехорошо улыбнулся:

– Евримах, ты жалкий трус. Тебе с Пенелопой вообще ничего не светило. Я помню, как ты скулил и умолял Одиссея оставить тебе жизнь, сваливая всё на меня!

– Не очень-то мне это помогло, – Евримах приподнял свою изодранную рубаху, и стало видно, что в его призрачном теле, точно посередине груди, зияет сквозная дыра в несколько сантиметров шириной. – Одиссей подстрелил меня прямо в сердце только за то, что я хотел жениться на его жене!

– В любом случае... – Антиной повернулся к Джейсону. – Теперь мы собрались ради приза покрупнее. Как только Гея уничтожит богов, мы поделим между собой то, что останется от мира смертных!

– Чур мне Лондон! – выкрикнул вурдалак из-за соседнего стола.

– Монреаль! – гаркнул другой.

– Дулут! – завопил третий, после чего другие призраки разом умолкли и озадаченно уставились на претендента на Дулут.

Мясо и вино лежали в желудке Джейсона тяжелым свинцом.

– А что насчет остальных... гостей? Я насчитал не меньше двухсот, хотя и половины из них не знаю.

Желтые глаза Антиной блеснули:

– Все они ищут милостей Геи. У всех есть жалобы и обиды на богов или их карманных героев. Вон тот мерзавец – Гиппий, бывший афинский тиран. Его низложили, и тогда он, примкнув к персам, напал на собственных соотечественников. Никакой тебе морали. Он сделал бы всё, что угодно, ради власти.

– Спасибо! – крикнул Гиппий.

– А тот негодяй с ножкой индейки во рту, – продолжал Антиной, – Гасдрубал из Карфагена. У него свои счета с Римом.

– М-м-м, – промычал карфагенянин.

– А Майкл Варус...

Джейсон подавился:

– Кто?

Стоявший у фонтана темноволосый парень в фиолетовой рубашке и легионерских доспехах обернулся. Его фигура была размытой, туманной и плохо различимой, поэтому Джейсон решил, что это что-то вроде духа, однако потом разглядел на предплечье Варуса татуировку легионера: буквы «SPQR», голова бога Януса с двумя лицами и шесть черточек, по числу лет службы. На его нагруднике висели значок претора и эмблема пятой когорты.

Джейсон никогда не встречался с Майклом Варусом: печально известный претор умер в восьмидесятых годах. И всё же у Джейсона по коже побежали мурашки, когда он встретился взглядом с Варусом: ему показалось, что эти запавшие глаза видят суть под волшебной маскировкой.

Антиной помахал рукой, как бы командуя «вольню»:

– Он римский полубог. Потерял орла своего легиона на... Аляске, так, кажется? Не важно. Утверждает, будто у него есть соображения, как победить Лагерь Юпитера... А вот ты, Ир, так и не ответил на мой вопрос. С чего бы нам радоваться твоему приходу?

Мертвые глаза Варуса нервировали Джейсона. Он чувствовал, как слой Тумана вокруг него истончается, реагируя на его нерешительность.

Вдруг за плечом у Антиноя возникла Аннабет:

– Еще вина, мой господин? Ой!

Она вылила содержимое серебряного кувшина Антиною за шиворот.

– Ах ты!.. – упырь выгнулся дугой. – Глупая девчонка! Кто тебя выпустил из Тартара?

– Какой-то титан, мой господин, – Аннабет опустила голову, стараясь казаться виноватой. – Позвольте принести вам влажные полотенца? У вас со стрелы капает.

– Пошла прочь!

Аннабет встретила глазами с Джейсоном – секундный ободряющий взгляд, – а потом исчезла в толпе.

Упырь смахивал с шеи капли, и у Джейсона появилась возможность собраться с мыслями.

Сейчас он Ир... бывший посланник женихов. Что ему здесь делать? С какой стати они должны его принять?

Юноша схватил со стола нож для мяса и вонзил его в столешницу так, что стоявшие вокруг призраки подпрыгнули.

– С чего вам радоваться моему приходу?! – прорычал Джейсон. – С того, что я по-прежнему на побегушках, тупые вы негодяи! Я только что прибыл из Дома Аида посмотреть, что вы затеваете!

Последние его слова были правдой, и, похоже, они вогнали Антиноя в ступор. Со стрелы всё еще капало вино, просочившееся через дыру в горле. Упырь зыркнул на юношу:

– И ты думаешь, я поверю, будто Гея послала тебя, нищего, приглядывать за нами?

Джейсон рассмеялся:

– Когда Врата смерти закрывались, я покидал Эпир в числе последних! Я видел часового Клития в зале под купольным сводом, сложенным из могильных плит. Я ступал по полу Некромантейона, выложенному драгоценными камнями и костями!

Это тоже было правдой. Призраки вокруг стола зашевелились и забормотали.

– Итак, Антиной... – Джейсон вскинул руку, указывая на упыря пальцем. – Может, это тебе нужно объяснить, чем ты заслужил милости Геи? Я вижу просто толпу ленивых, медлительных мертвецов, которые только и делают, что развлекаются, а проку в войне от них никакого. Что же мне сказать матери-земле?

Краем глаза Джейсон заметил, как Пайпер ободряюще ему улыбается. Потом девушка снова обернулась к светящемуся пурпуром греческому призраку, пытавшемуся усадить ее себе на колени.

Антиной ухватился за рукоятку ножа, который Джейсон вогнал в столешницу, выдернул его и стал рассматривать клинок.

– Если ты явился от Геи, то должен знать: мы здесь по приказу. Так постановил Порфирион, – Антиной провел лезвием по ладони. Вместо крови из пореза посыпалась засохшая грязь. – Ты же знаешь Порфириона?

Джейсон изо всех сил боролся с тошнотой. Он прекрасно помнил Порфириона – сражался с ним в «Волчьем доме».

– Царь гигантов... Зеленая кожа, почти тринадцать метров ростом, белые глаза, в волосы вплетено оружие. Конечно, я его знаю. Выглядит он куда внушительнее тебя.

Джейсон решил не упоминать, что в последнюю свою встречу с царем гигантов поразил его молнией в голову.

На этот раз Антиной, похоже, онемел, но его лысый дружок Евримах приобнял Джейсона за плечи.

– Ну-ну, приятель! – От Евримаха несло кислым вином и сгоревшими электропроводами. От хватки призрака у Джейсона закололо в грудной клетке. – Разумеется, мы не собирались

оспаривать твои полномочия. Просто, ну, раз уж ты говорил с Порфирионом в Афинах, то должен знать, зачем мы здесь. Уверяю тебя, мы всё делаем в точности, как он приказал!

Джейсон постарался скрыть удивление. Порфирион в Афинах!

Гея обещала уничтожить богов в самом их истоке. Хирон, учитель Джейсона из Лагеря полукровок, предполагал, что это означает, что гиганты попытаются разбудить богиню земли на подлинной горе Олимп. Но теперь...

– Акрополь, – сказал Джейсон. – Самые древние храмы богов в центре Афин. Вот где пробудится Гея.

– Конечно! – Евримах рассмеялся. В зияющей у него в груди ране отрывисто заклокотало, как в дыхале морской свиньи. – Чтобы попасть туда, этим назойливым полубогам придется плыть по морю, так? Они же знают, что лететь над землей слишком опасно.

– Значит, им придется миновать этот остров, – проговорил Джейсон.

Евримах горячо закивал, убрал руку с плеч Джейсона и обмакнул палец в свой кубок с вином:

– Вот тут-то им и придется выбирать, а?

Он начертил на столешнице береговую линию; красное вино неестественно блестело на деревянной поверхности. Потом нарисовал Грецию (у него получилось нечто похожее на уродливые песочные часы), выше – северный материк в виде большой нависающей капли, потом добавил пониже еще одну каплю – большой ломоть земли, известный как Пелопоннес. В середине пролегла узкая полоса моря – Коринфский канал.

Джейсон всё понял и без картинки, потому что накануне вместе с другими членами команды целый день просидел над картами.

– Самый прямой путь, – продолжал Евримах, – пролегает к востоку отсюда, через Коринфский канал, но если они решатся поплыть этим путем...

– Довольно! – рывкнул Антиной. – У тебя язык без костей, Евримах.

Призрак обиделся.

– Я не собирался рассказывать ему всё! Только про орды циклопов, затаившихся на обоих берегах, и про свирепых грозowych духов в воздухе. А еще про посланных Кето жутких подводных чудовищ, которыми кишат морские воды. И конечно, если корабль доберется до Дельф...

– Идиот! – Антиной рывком перегнулся через стол и схватил призрака за запястье. Из-под пальцев вурдалака поползла сухая грязь, она стала расползаться вверх по призрачной руке Евримаха, покрывая ее тонкой коркой.

– Нет! – завопил Евримах. – Прощу! Я... Я просто хотел...

Призрак пронзительно закричал, грязь покрыла всё его тело, точно скорлупа, а потом с хрустом разлетелась в разные стороны – на земле осталась горстка праха, а Евримах исчез.

Антиной снова сел и отряхнул ладони одну о другую. Остальные женихи, сидевшие за столом, наблюдали за ним в тревожном молчании.

– Прими мои извинения, Ир, – холодно улыбнулся упырь. – Как мы и обещали, путь в Афины надежно охраняется – это все, что тебе нужно знать. Либо полубоги рискнут и войдут в залив – а это невозможно, либо попытаются обогнуть Пелопоннес, что едва ли безопаснее. В любом случае вряд ли они доживут до того момента, когда придется *делать* этот выбор. Как только они достигнут Итаки, мы об этом узнаем, остановим их здесь, и Гея поймет, как мы полезны. Можешь возвращаться в Афины и передать мои слова.

Сердце Джейсона отчаянно билось в груди. Он еще никогда не видел, чтобы земляная корка кого-то уничтожила, а именно с ее помощью Антиной избавился от злосчастного Евримаха. Юноше совершенно не хотелось проверять, сработает ли такой прием на полубогах.

К тому же Антиной уверенно заявлял, что сумеет отследить появление «Арго-II». Кажется, до сих пор магия Хейзел скрывала корабль от вражеских глаз, но кто знает, как долго она еще продержится.

Джейсон получил сведения, за которыми они сюда прибыли. Их цель Афины. Наиболее безопасный маршрут – или, по крайней мере, не совсем невозможный – пролегал вдоль южного побережья. Сегодня двадцатое июля. У них осталось всего двенадцать дней до первого августа – древнего праздника Надежды, дня, когда Гея собирается пробудиться.

Джейсону и его друзьям нужно уходить, пока есть возможность.

Но что-то не давало ему покоя – какое-то холодящее кровь дурное предчувствие, как будто самые плохие новости ему еще не сообщили.

Евримах упомянул Дельфы. Джейсон втайне надеялся побывать в этом древнем месте обитания Дельфийского оракула, где он, возможно, узнает что-нибудь о собственном будущем, но если это место переполнено чудовищами...

Он отодвинул от себя тарелку с остывшей едой.

– Похоже, здесь всё под контролем. Надеюсь, так и есть, это в твоих интересах, Антиной. Эти полубоги очень изобретательны, даже закрыли Врата смерти. Нам бы не хотелось, чтобы они проскользнули мимо тебя и получили в Дельфах помощь.

Антиной усмехнулся:

– Этого можно не опасаться. Дельфы вышли из-под управления Аполлона.

– А... понятно. А если полубоги поплывут долгим путем вокруг Пелопоннеса?

– Ты зря волнуешься. При любом раскладе для полубогов *нет* безопасного пути, и это еще мягко сказано. К тому же Виктория, обезумев, бежит по Олимпии. Пока всё идет так, как идет, у полубогов нет ни одного шанса выиграть эту войну.

Джейсон понятия не имел, что это означает, но кивнул:

– Хорошо. Я так и доложу царю Порфириону. Спасибо за... хм... угощение.

Стоявший у фонтана Майкл Варус выкрикнул:

– Стой!

Джейсон едва не выругался. Он попытался не обращать внимания на мертвого претора, но Варус уже шел к нему, окруженный туманной белой аурой, его глубоко посаженные глаза походили на две выгребные ямы. На боку у призрака висел золотой имперский гладиус.

– Ты должен остаться, – сказал Варус.

Антиной метнул на призрака раздраженный взгляд:

– В чем дело, легионер? Ир хочет уйти, так пускай катится – от него воняет!

Остальные призраки нервно засмеялись. Стоявшая на другом конце двора Пайпер с тревогой посмотрела на Джейсона. Чуть дальше Аннабет словно бы случайно накрыла ладонью разделочный нож, лежащий на ближайшем подносе с мясом.

Варус держал руку на рукояти меча. Несмотря на жару, его нагрудник покрывала корочка льда.

– Я дважды потерял на Аляске свою когарту, первый раз – при жизни, а второй – после смерти, проиграв граексу по имени Перси Джексон. И всё же, услышав зов Геи, я явился сюда. Знаешь почему?

Джейсон сглотнул:

– Потому что ты упертый болван?

– Это место для тех, кто страстно чего-то желает, – проговорил Варус. – Всех нас влечет сюда не только огромная сила Геи, но и наши непреодолимые страсти. Евримаха привела жадность, Антиноя – жестокость.

– Ты мне льстишь, – пробормотал упырь.

– Гасдрубала – ненависть, – продолжал Варус. – Гиппия – горечь, меня – тщеславие. А ты, Ир? Что тебя привело сюда? Чего больше всего хочет нищий? Возможно, это желание вернуться домой?

Джейсон ощутил неприятное покалывание в затылке, – такое же чувство он испытывал перед сильной грозой.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал он. – Послания надо доставлять.

Майкл Варус вытащил меч из ножен.

– Мой отец – Янус, двуликий бог. Я привык видеть сквозь маски и распознавать обман. Ты знаешь, Ир, почему мы так уверены, что полубоги не минуют наш остров незамеченными?

Джейсон молча перебрал в уме все латинские ругательства, какие знал. Попытался прикинуть, сколько у него уйдет времени, чтобы вытащить и зажечь сигнальную ракету. Надо надеяться, он сумеет выиграть достаточно времени, чтобы девушки успели добежать до укрытия, прежде чем эта толпа покойников разорвет его на куски.

Он повернулся к Антиною:

– Слушай, ты тут главный или нет? Может, тебе стоит заткнуть своего римлянина?

Упырь глубоко вдохнул, стрела в его горле задрожала:

– Ах, но это может быть весело. Продолжай, Варус.

Мертвый претор поднял меч:

– Нас выдают желания. Они показывают, кто мы на самом деле. К тебе кое-кто пришел, Джейсон Грейс.

Толпа за спиной Варуса расступилась, и вперед вышел мерцающий призрак женщины. Джейсону показалось, что его кости рассыпаются в прах.

– Милый, – сказал призрак его матери. – Вот ты и дома.

III. Джейсон

Каким-то образом Джейсон узнал маму. Узнал ее платье с запахом, в зеленый и красный цветочек, похожее на бордюр вокруг рождественской елки. Узнал разноцветные пластиковые браслеты на ее запястьях, врезавшиеся ему в спину, когда она обняла его на прощание в «Волчьем доме». Узнал ее волосы, чрезмерно взбитый каскад крашенных светлых завитков, и ее запах – лимона и аэрозоля.

Ее глаза были синие, как и у самого Джейсона, но сейчас они поблескивали тусклым светом, как будто она только что вышла из убежища после ядерной войны и теперь жадно ищет взглядом знакомые предметы.

– Милый, – она протянула к нему руки.

Джейсон больше никого не видел, он словно забыл про призраков и упырей.

Туман, изменяющий его облик, рассеялся. Его спина распрямилась, суставы перестали болеть, а палка снова превратилась в золотой имперский гладиус.

Чувство жжения не исчезло. Джейсону казалось, будто пласты его жизни один за другим высыхают и исчезают – месяцы, проведенные в Лагере полукровок, годы – в Лагере Юпитера, его обучение у Лупы, богини-волчицы. Он снова стал напуганным и уязвимым двухлеткой. Даже шрам на его губе, оставшийся после попытки съесть степлер в нежном ясельном возрасте, заболел как свежая рана.

– Мама? – выдавил он.

– Да, милый, – ее фигура замерцала. – Ну же, обними меня.

– Ты... ты не настоящая.

– Конечно, она настоящая, – голос Майкла Варуса звучал где-то вдали. – Или ты думал, что Гея оставит такой важный дух чахнуть где-то в Царстве Мертвых? Она твоя мать, Берил Грейс, телезвезда, возлюбленная владыки Олимпа, отвергшего ее, не единожды, а дважды, в обоих своих обликах – и в греческом, и в римском. Она заслуживает справедливости, как и любой из нас.

Сердце Джейсона болезненно билось. Женихи столпились вокруг него, наблюдая.

«Я для них развлечение», – понял Джейсон. Вероятно, для призраков такое зрелище повеселее, чем драка до смерти двух нищих.

Сквозь гул в его голове пробился голос Пайпер:

– Джейсон, посмотри на меня.

Она стояла в трех метрах от него, держа в руках свою керамическую амфору. Улыбка исчезла с ее лица, в повелительном взгляде читалась ярость, его невозможно было проигнорировать – как и ярко-синее перо в ее волосах.

– Это не твоя мать. Ее голос оказывает на тебя какое-то волшебное влияние – как мой голос, только опаснее. Неужели ты этого не чувствуешь?

– Она права, – Аннабет вскочила на ближайший стол, ударом ноги отшвырнула блюдо, напугав с дюжину женихов. – Джейсон, это лишь остаток твоей матери, нечто вроде арай или, возможно...

– Остаток! – зарыдал призрак его матери. – Да, посмотри, во что я превратилась. Это вина Юпитера. Он отказался от нас, он мне не помог! Я не хотела разлучаться с тобой в Сономе, дорогой мой, но Юнона и Юпитер не оставили мне выбора. Они бы ни за что не позволили нам быть вместе. Так зачем сражаться за них теперь? Присоединяйся к этим женихам, возглавь их. Мы снова можем стать семьей!

Джейсон чувствовал, что на него устремлены сотни глаз.

И так всегда, подумал он с горечью. Все вечно смотрели на него, ждали, что он поведет за собой остальных. С момента его появления в Лагере Юпитера все обращались с ним как с

наследным принцем, которому суждено стать царем. Несмотря на все его попытки изменить свою судьбу – вступление в худшую когорту, попытки изменить традиции лагеря, выбор самых неинтересных заданий и дружба с самыми непопулярными ребятами, – его всё равно сделали претором. Его будущее было обеспечено, ведь он же сын Юпитера.

Он вспомнил, что сказал ему Геркулес, когда они хотели проплыть через Гибралтарский пролив: «Нелегко быть сыном Зевса. Это колоссальное давление. В конечном счете так и с катушек съехать недолго».

И вот Джейсон стоял здесь, напряженный, как тетива натянутого лука.

– Ты бросила меня, – сказал он матери. – Не Юпитер и не Юнона, а ты.

Берил Грейс сделала шаг вперед. Морщинки вокруг ее глаз и страдальчески сжатые губы напомнили Джейсону его сестру Талию.

– Милый, я говорила тебе, что вернусь. Это последнее, что я тебе сказала. Разве ты не помнишь?

Джейсон задрожал. В развалинах «Волчьего дома» мать обняла его в последний раз. Она улыбалась, но в глазах стояли слезы.

«Всё в порядке, – пообещала она. Хотя Джейсон и был совсем еще малышом, он всё равно знал, что ничего не в порядке. – Жди здесь. Я вернусь за тобой, милый. Мы скоро увидимся».

Она так и не вернулась. Вместо этого Джейсон бродил по развалинам – плачущий, одинокий, звал маму и Талию, – пока за ним не пришли волки.

Невыполненное обещание его матери сделало его таким, какой он есть. Он построил всю свою жизнь на раздражении, вызванном ее словами, – так жемчужина растет вокруг песчинки.

Люди лгут. Обещания нарушаются.

Именно поэтому Джейсон так старался следовать правилам, хоть они его и раздражали. Он держал слово и ни за что на свете никого бы не бросил, потому что помнил, как бросили его, как ему лгали.

Теперь его мать вернулась, поколебав то единственное, что он знал о ней наверняка, – уверенность, что она оставила его навсегда.

Сидевший за столом Антиной поднял кубок:

– Так приятно познакомиться с тобой, сын Юпитера. Послушай свою мать. У тебя много обид на богов – так почему бы не присоединиться к нам? Я так понимаю, те две служанки – твои друзья? Мы их поощрим. Ты же хочешь, чтобы твоя мать осталась в этом мире? Мы можем это устроить. Ты хочешь стать царем...

– Нет, – мозг Джейсона бешено работал. – Нет, я не один из вас.

Майкл Варус холодно посмотрел на него:

– Ты так уверен, друг мой претор? Даже если ты победишь гигантов и Гею, вернешься ли ты домой, как вернулся Одиссей? Где теперь твой дом? У греков? У римлян? Никто тебя не примет. А если ты всё-таки вернешься, не суждено ли тебе увидеть там одни руины – такие же, как эти?

Джейсон обвел взглядом внутренний дворик. Без иллюзорных балконов и колоннад он увидел на бесплодной вершине холма только груды камней. Один фонтан казался настоящим, он без устали изрыгал песок, словно напоминая о безграничной силе Геи.

– Ты был офицером легиона, – сказал он Варусу. – Предводителем Рима.

– И ты тоже, – парировал Варус. – Просто можно перейти на другую сторону.

– Думаешь, я один из этой толпы? – спросил Джейсон. – Кучка мертвых неудачников, ждущих подачек от Геи, которые всё нюют, дескать, мир им что-то должен?

По всему двору призраки и ожившие мертвецы повскакали с мест и схватились за оружие.

– Берегись! – выкрикнула из толпы Пайпер. – Каждый в этом дворце твой враг! Каждый всадит тебе нож в спину при первой возможности!

За последние несколько недель волшебный голос Пайпер стал невероятно могущественным. Она говорила правду, и толпа ей поверила. Покойники с подозрением переглядывались, руки сжимали рукояти мечей.

Мать Джейсона шагнула к нему:

– Милый, будь разумным. Откажись от своего задания. Твой «Арго-II» никогда не доплывет до Афин, а даже если и доплывет, Афина Парфенос ничего не значит.

Его охватила дрожь:

– О чем это ты?

– Не притворяйся, будто не знаешь, милый. Гее известно о твоей подружке Рейне, и о Нико, сыне Аида, и о сатире Глидоне Хедже. Чтобы убить их, мать-земля послала своего самого опасного сына – охотника, который никогда не останавливается. Но ты не обязан умирать.

Упыри и призраки придвигались всё ближе – около двух сотен мертвых лиц выжидающе смотрели на Джейсона, словно он вот-вот запоем – а они подхватят – национальный гимн.

Охотник, который никогда не останавливается.

Джейсон не знал, кто это, но следовало предупредить Рейну и Нико.

А значит, он обязан выбраться отсюда живым.

Он взглянул на Аннабет и Пайпер – девушки стояли наготове, в ожидании его сигнала.

Джейсон заставил себя посмотреть матери в глаза. Она выглядела в точности как женщина, бросившая его в леса Сономы четырнадцать лет назад, – вот только Джейсон уже не был тем малышом. Он был закаленным в битвах бойцом, полубогом, бесчисленное множество раз смотревшим смерти в лицо.

То, что стоит сейчас перед ним, не его мать – по крайней мере не такая, какой он хотел ее видеть: любящей, заботливой, самоотверженно его защищающей.

Остаток, – так ее назвала Аннабет.

Майкл Варус сказал, что собравшихся здесь призраков поддерживают их самые сильные желания; дух Берил Грейс буквально пылал нуждой. Ее глаза смотрели на Джейсона, ожидая внимания, руки тянулись к нему, стремясь схватить.

– Чего ты хочешь? – спросил он. – Что привело тебя сюда?

– Я хочу жить! – выкрикнула она. – Хочу молодости, красоты! Твой отец мог бы сделать меня бессмертной, мог бы забрать меня на Олимп, но он меня бросил. Ты можешь всё исправить, Джейсон! Ты мой гордый воин!

Исходивший от нее запах лимона стал едким, как будто она начинала гореть.

Джейсон вспомнил, что ему однажды сказала Талия: их мать стала слишком неуравновешенной, а потом отчаяние окончательно свело ее с ума. Она погибла в автокатастрофе, потому что вела машину в нетрезвом виде.

Разбавленное водой вино вспенилось у Джейсона в желудке. Он решил, что если переживет этот день, то больше никогда не притронется к алкоголю.

– Ты *мания*, – решил Джейсон, он слышал это слово давным-давно, на занятии в Лагере Юпитера. – Дух безумия. Вот во что ты превратилась.

– Я всё, что осталось, – согласилась Берил Грейс. Ее фигура стала переливаться разными цветами. – Обними меня, сын. Я – это всё, что у тебя осталось.

В памяти юноши снова пронеслись слова Южного Ветра: «Нельзя выбрать родителей, но свое наследие – можно».

Джейсон почувствовал, как вновь собирается в одно целое, слой за слоем. Сердце стало биться ровно, озноб отступил, и юноша всей кожей почувствовал тепло полуденного солнца.

– Нет, – прохрипел он, потом посмотрел на Аннабет и Пайпер. – Я не перейду на другую сторону. Просто моя семья стала больше. Я дитя Греции и Рима, – он в последний раз посмотрел на мать. – Я не твой сын.

Он сделал древний жест, отгоняющий зло, – согнул три пальца, как будто это были когти, поднес к груди и резко отдернул, словно вырывая сердце, – и призрак Берил Грейс исчез с тихим шипением, похожим на вздох облегчения.

Упырь Антиной отшвырнул кубок, потом посмотрел на Джейсона с ленивым отвращением и сказал:

– Ну что ж, значит, мы просто тебя убьем.

Окружавшие Джейсона враги стали наступать.

IV. Джейсон

Битва шла прекрасно, пока Джейсона не проткнули мечом.

Он рубанул гладиусом, описав им широкий полукруг и распылив ближайших нападавших, потом вскочил на стол и прыгнул прямо над головой Антиной. Еще в воздухе он силой мысли заставил клинок меча вытянуться и превратиться в копье – он еще никогда не пробовал такой трюк со своим мечом, но почему-то был уверен, что всё получится.

Когда он приземлился на ноги, то в руках у него был двухметровый пилум. Антиной бросился к нему, и Джейсон нанес колющий удар, нацелив золотой имперский наконечник в грудь упыря.

Антиной неверяще посмотрел вниз:

– Ты...

– Повеселись в Полях наказаний, – Джейсон выдернул пилум, и Антиной рассыпался в прах.

Джейсон продолжал сражаться, вращая копьем, – рубил призраков, сбивал упырей с ног.

На другом конце двора Аннабет тоже дралась словно демон. Ее меч из кости дракона косил всех покойников, которые оказались достаточно глупы, чтобы к ней приблизиться.

Стоявшая у песчаного фонтана Пайпер тоже вытащила меч – зазубренный бронзовый клинок, доставшийся ей от бореада Зета. Правой рукой она колола и отбивала удары, а в левой держала рог изобилия, время от времени выстреливая из него помидорами, и пронзительно кричала на женихов:

– Берегитесь! Я слишком опасна!

Вероятно, именно это ее враги и хотели услышать, потому что они тут же бросались бежать прочь, в нескольких метрах от подножия холма в недоумении замирали, разворачивались и мчались обратно в бой.

Греческий тиран Гиппий рванулся к Пайпер, замахиваясь кинжалом, но она поразила его в грудь восхитительно пахнущим тушеным мясом. Тиран опрокинулся в фонтан и с воплем рассыпался в пыль.

Стрела со свистом полетела Джейсону в лицо, он отбил ее порывом ветра, прорубился через толпу орудовавших мечами вурдалаков и заметил с дюжину столпившихся у фонтана женихов: они собирались напасть на Аннабет. Он вскинул копье к небу, с наконечника сорвалась молния и испепелила упырей, оставив на месте земляного фонтана дымящуюся воронку.

За последние несколько месяцев Джейсон прошел через много битв, но успел забыть, как здорово бывает в бою. Конечно, он всё еще боялся, но у него с плеч свалился огромный груз. Впервые с того дня, когда он проснулся в Аризоне со стертой памятью, Джейсон чувствовал себя целым. Он знал, кто он такой. Его семья – это все полубоги, которые сражаются вместе с ним, римские и греческие, новые друзья и старые. Он никому не позволит разрушить свою семью.

Призвав ветер, он отшвырнул трех упырей, и те покатались вниз по склону холма, как тряпичные куклы. Отбросил четвертого, усилием мысли превратил копье обратно в меч и порубил очередную группу духов.

Вскоре его врагов порядком убывало. Оставшиеся призраки начали исчезать сами. Аннабет сразила карфагенянина Гасдрубала, и Джейсон убрал меч в ножны, тем самым совершив ошибку.

Нижнюю часть спины пронзила острая боль, и он ощутил такой сильный холод, словно его коснулась Хиона, богиня снега.

У него над ухом прорычал Майкл Варус:

– Родившийся римлянином, умри как римлянин.

Прямо под грудной клеткой Джейсона торчало, пропоров рубашку, острие золотого меча.

Джейсон рухнул на колени. Где-то, за много километров отсюда, раздался пронзительный крик Пайпер. Юноше казалось, что он погружается в соленую воду: его тело сделалось невесомым, голова будто покачивалась на волнах.

Пайпер метнулась к нему. Словно со стороны он наблюдал, как ее меч проходит над его головой и с металлическим клацканьем пробивает доспех Майкла Варуса.

В спину Джейсону, разметав его волосы, ударил резкий порыв ледяного ветра, вокруг него оседал прах, по камням покатился пустой легионерский шлем. Злобный полубог сгинул, но он успел напоследок сделать черное дело.

– Джейсон!

Юноша начал заваливаться на бок, и Пайпер обхватила его за плечи. Он задохнулся, когда девушка вытащила меч у него из спины; потом она уложила его на землю, подложив под голову камень.

К ним подбежала Аннабет; на шее у нее был глубокий порез.

– Боги, – она уставилась на рану в животе Джейсона. – О боги!

– Спасибо, – простонал Джейсон. – А то я уж боялся, что всё плохо.

Руки и ноги стало покалывать, его тело из последних сил боролось, направив всю кровь к груди. Он удивился, что боль притупилась, однако его рубашка вся промокла от крови. Рана дымилась, а Джейсон с полной уверенностью мог сказать, что раны, нанесенные мечом, обычно не дымятся.

– С тобой всё будет хорошо, – слова Пайпер прозвучали как приказ; услышав ее голос, юноша стал дышать ровно. – Аннабет, амброзию!

Аннабет пошевелилась.

– Да. Да, у меня есть, – она рывком открыла мешочек с вещами и развернула сверток с пищей богов.

– Нужно остановить кровотечение. – Пайпер схватила кинжал и отрезала широкий кусок ткани от подола своего платья, потом разорвала ее на полосы поуже.

Джейсон смутно удивился, откуда она столько знает про оказание первой помощи. Пайпер бинтовала рану, а Аннабет заталкивала маленькие кусочки амброзии ему в рот.

У Аннабет дрожали руки. После всего, через что ей пришлось пройти, Джейсону показалось странным, что она так сходит с ума, в то время как Пайпер так спокойна. Потом ему пришло в голову, что Аннабет может себе позволить бояться за него, а Пайпер – нет. Она полностью сосредоточилась на том, чтобы его спасти.

Аннабет скормила ему еще один кусочек амброзии.

– Джейсон... Прости. Прости за твою маму. Ты так... отважно вышел из положения.

Джейсон старался не закрывать глаза. Стоило ему смежить веки – и он снова видел, как призрак его матери растворяется в воздухе.

– Это была не она, – прошептал он. – По крайней мере не та ее часть, которую я мог бы спасти. У меня не оставалось выбора.

Аннабет со всхлипом втянула в себя воздух.

– Не оставалось другого *правильного* выбора, возможно, но... один мой друг, Люк... Его мама... там была похожая история, и он не так хорошо справился, как ты.

Голос у нее дрожал. Джейсон мало что знал о прошлом Аннабет, но Пайпер посмотрела на подругу с сочувствием.

– Я перевязала как смогла, – сказала она. – Кровь всё равно течет. Да еще этот дым, не понимаю, в чем дело.

– Имперское золото, – ответила Аннабет срывающимся голосом. – Для полубогов оно смертельно, это лишь вопрос времени, когда...

– С ним всё будет хорошо, – твердо повторила Пайпер. – Нужно доставить его обратно на корабль.

– Мне не так уж и плохо, – заявил Джейсон. Так оно и было. От амброзии в голове у него прояснилось, руки и ноги снова согрелись. – Может, я смог бы полететь...

Он сел, и мир вокруг него окрасился зеленью.

– А может, и нет...

Он начал клониться вбок, и Пайпер поддержала его, приобняв за плечи:

– Тише, тише, Спарки. Нам нужно вызвать «Арго-II» и позвать на помощь.

– Ты уже давно не называла меня «Спарки».

Пайпер поцеловала его в лоб:

– Держись меня, и я буду обзывать тебя как твоей душе заблагорассудится.

Аннабет оглядела развалины. Волшебный налет улетучился, остались только сломанные стены да выкопанные экскаватором ямы.

– Мы могли бы использовать сигнальные ракеты, но...

– Нет, – возразил Джейсон. – Лео просто срежет верхушку холма греческим огнем. Может, если бы вы, ребята, мне помогли, я смог бы идти...

– Ну уж нет, это слишком долго, – возразила Пайпер. Она порылась в висевшем на поясе мешочке и достала маленькое зеркальце. – Аннабет, ты знаешь азбуку Морзе?

– Конечно.

– Лео тоже знает, – Пайпер передала зеркальце подруге. – Он, скорее всего, наблюдает за островом с корабля. Иди на вершину холма...

– Точно, я пошлю ему сигнал! – лицо Аннабет снова порозовело. – Должно получиться. Отличная идея.

Она бегом скрылась за развалинами.

Пайпер достала фляжку с нектаром и дала Джейсону отпить глоток:

– Держись. Ты не умрешь из-за того, что тебя проткнули каким-то мечом.

Джейсон выдавил слабую улыбку:

– По крайней мере, на этот раз обошлось без ранения в голову. В течение всего боя я оставался в сознании.

– Ты победил почти две сотни врагов, – заметила Пайпер. – Ты был жутко потрясающим.

– Вы вдвоем мне помогли.

– Возможно, но... Эй, смотри на меня.

Голова Джейсона начала опускаться, он отчетливо стал различать трещины в камнях.

– Голова немного закружилась, – пробормотал он.

– Да. Да, прекрасно.

Вообще-то нектар на вкус напоминал жидкие опилки, но Джейсон не стал этого говорить. С тех пор как он побывал в Доме Аида и отказался от должности претора, амброзия и нектар потеряли вкус его любимой еды из Лагеря Юпитера. Словно память о старом доме уже не могла его исцелить.

«Родившийся римлянином, умри как римлянин», – так сказал Майкл Варус.

Он посмотрел на поднимающийся над повязкой дым. Похоже, для волнения у него есть причины посерьезнее, чем обычная кровопотеря. Аннабет права насчет имперского золота. Эта штука смертельна для полубогов, так же как и для чудовищ. Рана, оставленная мечом Варуса, вытянет из Джейсона остатки жизненных сил.

Ему уже случалось однажды видеть, как полубог умирал от такой раны – долго и неприглядно.

«Я не могу умереть, – приказал он себе. – Мои друзья зависят от меня».

В ушах звенели слова Антиноя – про гигантов в Афинах, предстоящее «Арго-II» немислимое путешествие, таинственного охотника, посланного Геей, чтобы перехватить Афину Парфенос.

– Рейна, Нико и тренер Хедж, – сказал он. – Они в опасности. Нужно их предупредить.

– Мы займемся этим, когда вернемся на корабль, – пообещала Пайпер. – А тебе сейчас необходимо расслабиться, – ее голос звучал спокойно и уверенно, но в глазах стояли слезы. – И потом эти трое – крепкие орешки, они справятся.

Джейсон надеялся, что девушка права. Рейна так многим рискнула, чтобы им помочь. Тренер Хедж иногда действует на нервы, но он показал себя самоотверженным защитником всей команды. А Нико... Больше всего Джейсон волновался за мальчика.

Пайпер провела большим пальцем по шраму на его губе.

– Как только война закончится... у Нико всё наладится. Ты сделал всё, что мог, был ему другом.

Джейсон не знал, что сказать. Он ничего не рассказал Пайпер о своих беседах с сыном Аида, потому что хранил секрет ди Анджео.

И всё же... Казалось, Пайпер чувствует, что именно идет не так. Возможно, она, будучи дочерью Афродиты, может чувствовать терзающую человека душевную боль. Однако она никогда не заставляла Джейсона говорить об этом, и за это он был ей благодарен.

Новый приступ боли заставил его поморщиться.

– Сосредоточься на моем голосе, – Пайпер поцеловала его в лоб. – Подумай о чем-нибудь хорошем. Торт на день рождения в том парке в Риме...

– Это было здорово.

– Прошлая зима, – снова подсказала девушка. – Битва сладостями у костра.

– Я ухватил твою мысль.

– Ты потом еще долго ходил с кусочками маршмэллоу в волосах!

– Неправда!

Память Джейсона обратилась к ушедшим светлым дням.

Как бы ему хотелось остаться там – разговаривать с Пайпер, держать ее за руку, не беспокоиться о гигантах, Гее или безумии матери.

Он знал, что нужно возвращаться на корабль, вот только тело отказывало ему. Они добыли информацию, ради которой пришли сюда, но сейчас, лежа на холодных камнях, Джейсон чувствовал какую-то незавершенность. История с женихами и царицей Пенелопой... его мысли о семье... его недавние сны. Всё это не давало ему покоя. Было в этом месте что-то еще, что-то, что ускользнуло от его внимания.

С вершины холма, прихрамывая, спустилась Аннабет.

– Ты ранена? – спросил Джейсон.

Аннабет посмотрела на свою лодыжку:

– Всё в порядке, просто дает о себе знать старый перелом, полученный в римских подземельях. Иногда, когда я перенапрягаюсь... Не важно. Я послала Лео сигнал, Фрэнк сейчас во что-нибудь превратится, прилетит сюда и перенесет тебя на корабль. Нужно сделать носилки, чтобы ты лежал не двигаясь.

Перед мысленным взором Джейсона предстала жуткая картина: он болтается в гамаке, который несет в когтях Фрэнк Чжан, принявший облик гигантского орла; впрочем, решил юноша, это лучше, чем смерть.

Аннабет принялась за работу. Она собрала мусор, оставшийся от женихов, – кожаный ремень, разорванная туника, ремешки от сандалий, красное одеяло, пару сломанных копеечных древков. Ее руки так и порхали над этими подручными материалами: разрывали, сплетали, привязывали, обматывали.

– Как ты это делаешь? – удивленно спросил Джейсон.

– Научилась, пока бродила по подземельям Рима, – ответила Аннабет, не отрывая глаз от работы. – До этого у меня никогда не было повода заняться плетением, но иногда это умение очень помогает, – например, чтобы сбежать от пауков...

Она затянула последний узел на кожаном шнуре, и – *voilà*¹ – получились носилки, достаточно большие, чтобы Джейсон на них поместился; шестью служили два копейных древка, а посередине даже имелся фиксирующий ремень.

Пайпер одобритительно присвистнула:

– В следующий раз, когда мне понадобится переделать платье, я обращусь к тебе.

– Заткнись, Маклин, – парировала Аннабет, но в ее взгляде читалось удовлетворение. – А теперь давай его осторожно...

– Подожди, – остановил ее Джейсон.

Сердце у него тяжело забилося. Глядя, как Аннабет сооружает импровизированное ложе, Джейсон вспомнил всю историю Пенелопы – как она сумела продержаться двадцать лет, ожидая своего супруга Одиссея.

– Кровать, – проговорил Джейсон. – В этом дворце была особая кровать.

Пайпер посмотрела на него озабоченно:

– Джейсон, ты потерял много крови.

– У меня нет галлюцинаций! – настаивал юноша. – Брачное ложе было священно. Если где и можно поговорить с Юноной... – Он глубоко вздохнул и позвал: – Юнона!

Тишина.

Может, Пайпер права и у него в голове всё перепуталось?

Потом, метрах в двадцати от них, каменный пол треснул. Из-под земли пробились ветви и стали стремительно расти, до тех пор пока над двориком не раскинулось огромное оливковое дерево. В тени серо-зеленых листьев стояла темноволосая женщина в белом платье, плечи ее покрывал плащ из шкуры леопарда. Навершие ее посоха венчал белый цветок лотоса. На лице застыло холодное, царственное выражение.

– Мои герои, – произнесла богиня.

– Гера, – сказала Пайпер.

– Юнона, – поправил Джейсон.

– Не важно, – прорычала Аннабет. – Что ты здесь делаешь, твое коровье величество?

Темные глаза Юноны опасно блеснули:

– Аннабет Чейз. Как всегда, очаровательна.

– Ну, понимаешь, – процедила Аннабет, – я только что из Тартара, так что мои манеры могут показаться грубыми, особенно для богини, которая стерла память моему бойфренду, заставила его исчезнуть на долгие месяцы, а потом...

– Ну в самом деле, дитя! Мы, что, снова будем это обсуждать?

– Разве ты сейчас не должна страдать от раздвоения личности? – спросила Аннабет. – Я хочу сказать, – больше, чем обычно?

– Тише, – вступился Джейсон. У него было множество причин ненавидеть Юнону, но сейчас следовало решить другие проблемы. – Юнона, нам нужна твоя помощь. Мы...

Джейсон попытался сесть и тут же об этом пожалел. В его внутренности словно воткнули огромную вилку для спагетти.

Пайпер поддержала его, не дав упасть, потом сказала:

– Давайте обо всем по порядку. Джейсон ранен, вылечи его!

Богиня нахмурилась, ее фигура замерцала.

– Некоторые раны не могут исцелить даже боги, – сказала она. – Эта рана поразила не только твое тело, но и душу. Ты должен побороть ее, Джейсон Грейс... ты должен выжить.

¹ Готово! (франц.)

– Ага, спасибо, – во рту у юноши пересохло. – Я стараюсь.

– Что значит «рана поразила душу»? – требовательно спросила Пайпер. – Почему ты не можешь...

– Мои герои, отпущенное нам время истекает, – прервала ее Юнона. – Я благодарна за то, что вы воззвали ко мне. Долгие недели я страдала от боли и смущения... мои греческая и римская природа сражаются друг с другом. Хуже того, я вынуждена скрываться от Юпитера, желающего обрушить на меня свой несправедливый гнев, – он ведь верит, что это из-за меня началась эта война с Геей.

– Вот так так! – фыркнула Аннабет. – Интересно, почему он так думает?

Юнона метнула на девушку раздраженный взгляд:

– К счастью, это священное для меня место. Изгнав тех призраков, ты очистил его и позволил моему сознанию очиститься на короткое время. Я могу говорить с вами очень недолго.

– Почему это место священо? – глаза Пайпер расширились. – О! Брачное ложе!

– Брачное ложе? – переспросила Аннабет. – Не вижу никакого...

– Ложе Пенелопы и Одиссея, – пояснила Пайпер. – Одним из столбиков той кровати было настоящее оливковое дерево, поэтому ложе нельзя было передвинуть.

– Верно, – Юнона погладила ствол оливкового дерева. – Недвижимое брачное ложе. Какой прекрасный символ! Так и Пенелопа, самая верная из всех жен, держалась стойко, долгие годы отвергала сотню наглых женихов, потому что знала: ее муж обязательно вернется. Одиссей и Пенелопа – образец идеального брачного союза!

Даже несмотря на головокружение, Джейсон был абсолютно уверен, что помнит истории о том, как Одиссей влюблялся в других женщин во время своих странствий, но решил не поднимать этот вопрос.

– Не могла бы ты, по крайней мере, дать нам совет? – попросил он. – Скажи, что нам делать?

– Плывите вокруг Пелопоннеса, – ответила богиня. – Как вы и думали, это единственный возможный путь. И попытайтесь по дороге отыскать богиню победы в Олимпии. Она стала неуправляемой. Если не сумеете ее подавить, раскол между греками и римлянами никогда не преодолеть.

– Ты говоришь о Нике? – уточнила Аннабет. – Что значит «неуправляемой»?

В небе раздался удар грома, и холм содрогнулся.

– Долго объяснять, – заторопилась Юнона. – Мне нужно бежать, пока Юпитер меня не нашел. После того как я уйду, я уже не смогу вам помочь.

Джейсон едва удержался, чтобы не выпалить: «Когда это ты вообще мне помогала?» Вместо этого он спросил:

– Что еще нам следует знать?

– Как вы слышали, гиганты собрались в Афинах. Не многие боги могли бы вам помочь в вашем путешествии, однако я не единственная олимпийка, попавшая в немилость к Юпитеру. Близнецы также навлекли на себя его гнев.

– Артемида и Аполлон? – удивилась Пайпер. – Почему?

Фигура Юноны начала меркнуть.

– Если доберетесь до острова Делос, возможно, они сумеют вам помочь. Они настолько отчаялись, что готовы предпринять что угодно, лишь бы всё исправить. А теперь идите. Может быть, мы снова встретимся в Афинах, если вы преуспеете. Если же нет...

Богиня исчезла, а может, у Джейсона просто потемнело в глазах. На него накатила боль. Голова его откинулась назад, и он увидел, что в небе над ними описывает круги гигантский орел. Потом синее небо почернело, и больше Джейсон не видел ничего.

V. Рейна

Бомбить с пикирования вулкан не входило в список дел, которые Рейна обязательно должна сделать перед смертью.

Впервые она увидела Южную Италию с высоты полутора километров. На западе вдоль полумесяца Неаполитанского залива поблескивали в предзакатной дымке огни спящих городов. Метрах в трехстах под ней на вершине горы зияла кальдера диаметром около восьмисот метров, из ее центра шел белый пар.

Рейне понадобилось несколько мгновений, чтобы преодолеть дезориентацию. После путешествия через тень тряслись ноги, накатывала тошнота, как будто в римской бане ее вытащили из холодной воды фригидария и запихнули в сауну.

Потом она осознала, что висит в воздухе. Начала действовать сила притяжения, и Рейна стала падать.

– Нико! – завопила она.

– Пановы дудки! – ругался тренер Глисон Хедж.

– А-а-а-а-а!

Нико замолотил в воздухе руками и ногами, едва не вырвавшись из хватки Рейны, но она держала крепко и сумела ухватить падавшего рядом с ней тренера Хеджа за воротник рубашки. Если они сейчас разделятся, то точно погибнут.

Они падали прямо в жерло вулкана, а их самый большой предмет багажа, двенадцатиметровая статуя Афины Парфенос летела за ними, привязанная веревкой к спине Нико, словно огромный нераскрывшийся парашют.

– Под нами Везувий! – завопила Рейна, перекрикивая свист ветра. – Нико, телепортируй нас отсюда!

В глазах мальчишки плескался неконтролируемый ужас, темные волосы хлестали по лицу, точно крылья пикирующего с неба ворона.

– Я... Я не могу! Нет сил!

Тренер Хедж проблеял:

– Экстренное сообщение, малыш! Козлы не умеют летать! Вытащи нас отсюда, не то из нас получится оmlет «Афина Парфенос всмятку»!

Рейна попыталась думать. Она готова принять смерть, коли придется, но если Афина Парфенос будет уничтожена, их миссия обречена на провал, а с этим Рейна смириться не могла.

– Нико, перенеси нас через тень, – приказала она. – Я поделюсь с тобой силой.

– Но...

– Делай!

Она крепче сжала его запястье. Символ Беллоны на ее предплечье – факел и меч – начало жечь, словно его заново выжигали на коже.

Нико ахнул, его щеки вновь порозовели. Чуть-чуть не долетев до поднимающегося над жерлом облака пара, они нырнули в тень.

Воздух сделался очень холодным; свист ветра сменился какофонией голосов, шептавших что-то на тысяче разных языков. Внутренности Рейны словно превратились в огромную пирагве – колотый лед, залитый холодным сиропом, – ее любимое угощение со времен детства в Старом Сан-Хуане.

Интересно, мелькнула у нее мысль, почему сейчас, находясь на грани смерти, она об этом вспомнила. Потом в глазах у нее прояснилось, ноги коснулись твердой земли.

Небо на востоке начало светлеть. На миг Рейне показалось, что она снова в Новом Риме. Она оказалась в атриуме размером с бейсбольную площадку, вдоль стен выстроились дориче-

ские колонны. Перед ней находился фонтан, украшенный мозаичными изразцами, в центре которого стоял бронзовый фавн.

Рядом, в саду, цвели лагерстремия и розовые кусты, тянулись к небу пальмы и сосны. Выложенные булыжником дорожки добротной римской постройки (прямые, с небольшими уклонами) расходились от дворика в разные стороны, пролегали между низкими каменными домами с колонными портиками.

Рейна обернулась. Невредимая Афина Парфенос возвышалась над двориком – этакая огромная садовая скульптура. Бронзовый фавн на фонтане, стоявший лицом к статуе, воздевал руки, словно в ужасе хотел защититься от незваной гостьи.

На горизонте, в нескольких километрах отсюда, виднелись неясные очертания горы Везувий – темный горбатый силуэт. Над ее вершиной поднимались огромные столбы пара.

– Мы в Помпеях, – сообразила Рейна.

– О, это хорошо, – откликнулся Нико и тут же начал оседать на землю.

– Эй-эй! – тренер Хедж подхватил мальчика до того, как тот упал. Потом сатир усадил сына Аида, прислонив спиной к пьедесталу Афины, и отвязал конец веревки, которым Нико был привязан к статуе.

У самой Рейны подгибались колени. Претор предвидела, что последует такая реакция – это всегда случалось после того, как она делилась с кем-то силой, – однако не ожидала такой неукротимой боли от Нико ди Анджело. Девушка тяжело села, прилагая огромные усилия, чтобы оставаться в сознании.

Боги Рима! Если это лишь часть боли, которую испытывает Нико... как он это выносит?

Она постаралась выровнять дыхание, а тренер Хедж всё рылся в их походных сумках. Камни вокруг ботинок Нико покрылись трещинами, из которых пошел черный пар, похожий на текущие снизу вверх чернила, словно Нико пытался избавиться от всех теней, через которые только что прошел.

Вчера было еще хуже: завял целый луг, а из земли поднялись скелеты. Рейне не очень-то хотелось, чтобы это повторилось.

– Выпей что-нибудь, – она протянула мальчику фляжку с зельем – священной водой Малого Тибра с добавлением толченого рога единорога. Они выяснили, что это средство помогает Нико лучше нектара – выводит из его организма тьму и снимает усталость с меньшим риском самовозгорания.

Нико быстро проглотил зелье; он всё еще выглядел ужасно: кожа приобрела синеватый оттенок, щеки запали. Висевший у него на боку скипетр Диоклетиана светился угрожающим пурпурным цветом, как радиоактивный синяк.

Мальчик внимательно посмотрел на Рейну:

– Как ты сделала эту... энергетическую волну?

Рейна слегка повернулась, чтобы было видно ее предплечье. Татуировка всё еще жгла, как раскаленный воск: символ Беллоны, буквы «SPQR» и четыре черты по числу лет ее службы.

– Я не люблю об этом говорить, – призналась она, – но это власть, полученная от моей матери. Я могу передавать силу другим.

Тренер Хедж перестал копаться в своем рюкзаке и посмотрел на претора:

– Правда, что ли? Почему бы тебе не подкачать меня энергией, римская девушка? Хочу супермускулы!

Рейна нахмурилась:

– Это так не работает, тренер. Я могу прибегать к этой способности только в ситуациях, когда решается вопрос жизни и смерти, и это полезнее, если я во главе большой группы людей. Когда я командую войсками, то могу делиться любыми своими свойствами: силой, смелостью, выносливостью – тогда мои войска приобретают все эти качества.

Нико приподнял бровь:

– Полезное умение для римского претора.

Рейна не ответила. Именно по этой причине она старалась не распространяться о своих способностях: не хотела, чтобы находившиеся под ее командованием полубоги думали, будто она их контролирует или что она стала командиром только потому, что владеет особой магией. Она могла делиться только качествами, которыми обладала сама, и ничем не могла помочь тому, у кого не имелось задатков настоящего героя.

Проворчал тренер Хедж:

– Жаль. Супермускулы мне бы не помешали, – Он снова начал разбирать вещи в мешке – бездонном источнике кухонной утвари, приспособлений для выживания и разных спортивных принадлежностей.

Нико сделал еще один глоток зелья. Его глаза осоловели от крайней усталости, и Рейна поняла: он прилагает огромные усилия, чтобы не отключиться.

– Ты едва держишься на ногах, – заметил мальчик. – Когда ты используешь свою силу, ты... получаешь от меня какие-то эмоции?

– Я не читаю мысли, – пожала плечами Рейна. – Это даже не телепатическая связь, просто... временно накатывает усталость. Примитивные чувства. На меня наваливается твоя боль, я беру на себя часть твоей ноши.

На лице Нико появилось настороженное выражение.

Он покрутил надетое на палец серебряное кольцо с черепом – точно так же Рейна поворачивала свое серебряное кольцо, когда задумывалась. Оттого, что у них с сыном Аида общая привычка, ей стало не по себе.

За то короткое время, пока между ней и Нико держалась связь, она получила от него больше боли, чем от целого легиона во время сражения с гигантом Полиботом. Этот недолгий контакт иссушил ее сильнее, чем когда она поддерживала своего пегаса Сципио во время путешествия через Атлантику.

Она постаралась отделаться от этого воспоминания. Ее храбрый крылатый друг, умирающий от яда, его морда у нее на коленях... Как он доверчиво смотрел на нее, пока она заносила кинжал, чтобы избавить его от мук... Боги, нет! Нельзя погружаться в эти мысли, не то она сломается.

Впрочем, боль, которую ей передал Нико, оказалась еще сильнее.

– Тебе нужно отдохнуть, – сказала она ему. – После двух прыжков подряд, пусть и с небольшой помощью... Счастье, что ты вообще жив. Нужно, чтобы к наступлению ночи ты снова был в полной готовности.

Ей не очень-то хотелось просить его о такой невозможной вещи; к сожалению, ей часто приходилось заставлять полубогов делать что-то непосильное.

Нико стиснул зубы и кивнул.

– Теперь мы здесь застряли, – она оглядела руины. – Помпеи – последнее место, которое я бы выбрала для приземления. Здесь полно *лемуров*.

– Лемуры? – переспросил тренер Хедж, соорудивший из парашютной стропы, теннисной ракетки и охотничьего ножа нечто вроде капкана. – Это такие симпатичные пушистые мар-тышки?

– Нет, – обеспокоенно сказал Нико, сразу сообразивший, что к чему. – Это враждебные духи. Они есть во всех римских городах, но в Помпеях...

– Целый город оказался стерт с лица земли, – вспомнила Рейна. – В 79 году нашей эры произошло извержение Везувия, и город засыпало пеплом.

Нико кивнул:

– Трагедия, подобная этой, *всегда* создает множество злобных духов.

Тренер Хедж, прищурившись, глянул на темнеющий вдалеке вулкан:

– Он дымится. Это плохой признак?

– Я... я не уверен, – Нико поковырял дыру на коленке своих черных джинсов. – *Урае*, горные божества, чувствуют детей Аида. Возможно, из-за этого мы и сбились с курса. Может быть, дух Везувия специально хотел нас убить, но не думаю, что на таком расстоянии гора способна причинить нам вред. Чтобы устроить настоящее извержение, нужно много времени. Так что если нам сейчас что-то угрожает – оно где-то рядом.

Рейна вся подобралась.

Она с детства привыкла к ларам, дружелюбным духам Лагеря Юпитера, но даже они нагоняли на нее жуть. У них было очень размытое представление о личном пространстве. Иногда они проходили прямо через нее, так что у нее еще какое-то время кружилась голова. Сейчас в Помпеях ее не покидало такое же чувство, словно весь город – это один большой призрак, проглотивший ее целиком.

Она не могла сказать друзьям, как сильно боится призраков (и почему). Причина, по которой они с сестрой сбежали из Сан-Хуана много лет назад... тайна, которую она похоронила.

– Ты можешь держать их подальше от нас? – спросила она.

Нико развел руками:

– Я разослал сообщение «Держитесь подальше», но как только я усну, толку от него будет не много.

Тренер Хедж похлопал по своей теннисно-ракетно-ножевой штучковине:

– Не волнуйся, малыш. Я расставлю по всему периметру сигнализацию и капканы. К тому же я буду постоянно тебя охранять, вооружившись своей бейсбольной битой.

Похоже, это не очень убедило Нико, но у него уже слипались глаза:

– Ладно... только... ведите себя спокойно. Нам не нужна тут вторая Албания.

– Не нужна, – согласилась Рейна.

Их первое совместное путешествие через тень два дня назад обернулось полным фиаско – вероятно, это был самый унижительный эпизод за всю долгую карьеру Рейны. Возможно, если они выживут, то однажды будут вспоминать об этом со смехом, но не сейчас. Все трое согласились: случившееся в Албании пусть в Албании и останется.

Тренер Хедж выглядел обиженным:

– Ну ладно. Просто отдыхай, малыш, мы тебя прикроем.

– Хорошо, – сдался Нико. – Может, чуть-чуть.

Он с трудом стянул с себя полетную куртку, скатал ее в некое подобие подушки, упал сверху и захрапел.

Рейна поразилась, какой мирный у него сделался вид. Разгладились морщинки, следы тревог, лицо стало на удивление ангельским... как и его фамилия «ди Анджело». Она почти поверила, что перед ней обычный четырнадцатилетний паренек, а вовсе не сын Аида, ребенок, которого выдернули из сороковых годов XX века и заставили пережить больше трагедий и опасностей, чем иному полубогу выпадает за всю жизнь.

Когда Нико пришел в Лагерь Юпитера, Рейна ему не верила, словно чувствовала: он не просто вестник своего отца Плутона. Теперь-то она знала правду. Он – греческий полубог, первый человек на памяти нынешнего поколения (а может, и за всю историю), который ходил между римским и греческим лагерями и ни одной стороне не говорил о существовании другой.

Странное дело, теперь доверие Рейны к Нико возросло.

Конечно, он не римлянин, никогда не охотился с Лупой и не проходил суровые тренировки легионеров, однако Нико проявил себя по-другому. Хранил секреты двух лагерей из лучших побуждений: он страшно боялся войны. Добровольно в одиночку отправился в Тартар, чтобы найти Врата смерти; там его поймали и лишили свободы гиганты. Провел команду «Арго-II» в Дом Аида... а теперь согласился на новое, ужасное задание: с риском для жизни перевезти Афины Парфенос обратно в Лагерь полукровок.

Они продвигались так медленно, что это сводило с ума. Они могли совершать прыжки всего на несколько сотен километров каждую ночь, а днем отдыхали, чтобы дать Нико восстановить силы; однако, по мнению Рейны, даже при таком темпе Нико работал на износ.

На нем лежал огромный груз одиночества, грусти и душевной боли. И всё же на первое место он ставил свое задание, упорно шел к цели. Рейна уважала такое поведение, она это понимала.

Она никогда не была чувствительной, но сейчас испытывала странное желание укрыть Нико своим плащом и подоткнуть края. Она мысленно выругала себя; он боевой товарищ, а не ее младший брат. Ему бы это не понравилось.

– Эй, – прервал ее мысли тренер Хедж. – Тебе тоже нужно поспать. Я подежурю первым и сварганю хавчик. Не думаю, что эти призраки особо опасны при свете дня.

Рейна и не заметила, что уже почти рассвело. На востоке горизонт расчертили розовые и бирюзовые облака. Маленький бронзовый фавн отбрасывал тень на пересохший фонтан.

– Я читала об этом месте, – вдруг сообразила Рейна. – Это одна из самых знаменитых вилл в Помпеях, она называется «дом Фавна».

Глисон одарил статую неприязненным взглядом:

– Ну да, а теперь это дом сатира.

Рейна через силу улыбнулась. Она начинала понимать разницу между сатирами и фавнами. Если бы ей случилось заснуть, находясь под охраной фавна, проснувшись, она бы обнаружила, что все вещи украдены, на лице у нее нарисованы усы, а самого фавна давно и след простыл. Другое дело тренер Хедж; в основном отличия были в его пользу, вот только эта его одержимость боевыми искусствами и бейсбольными битами...

– Хорошо, – согласилась она. – Первую вахту несете вы. Я призову вам на помощь Аурума и Аргентума.

Хедж явно вознамерился протестовать, но не успел: Рейна резко свистнула. Среди развалин возникли металлические борзые и подбежали к ней с двух сторон. Даже спустя столько лет Рейна понятия не имела, откуда они являются и куда исчезают, когда она их отпускает, но, увидев своих любимцев, сразу приободрилась.

Хедж кашлянул:

– Ты уверена, что они не далматинцы? Уж очень на них похожи.

– Они борзые, тренер, – Рейна не представляла, почему Хедж боится далматинцев, и слишком устала, чтобы спрашивать. – Аурум, Аргентум, охраняйте нас, пока я сплю. Слушайтесь тренера Хеджа.

Собаки обежали двор по кругу, держась на расстоянии от Афины Парфенос, излучавшей враждебность по отношению ко всему римскому.

Сама Рейна только-только начинала к этому привыкать и могла бы с уверенностью утверждать: статуя не в восторге от того, что ее перенесли в центр древнеримского города.

Девушка улеглась и натянула на плечи свой пурпурный плащ, потом сжала висевший на поясе мешочек с лежавшей в нем серебряной монетой, которую ей дала Аннабет перед тем, как в Эпире они разделились.

«Это знак того, что всё может измениться, – сказала ей тогда Аннабет. – Теперь метка Афины принадлежит тебе. Может, эта монета принесет тебе удачу».

«Знать бы еще, – подумала Рейна, – что это будет: удача или неудача».

Она в последний раз посмотрела на бронзового фавна, съевшегося перед восходящим солнцем и Афиной Парфенос, потом закрыла глаза и погрузилась в сон.

VI. Рейна

Как правило, Рейне удавалось контролировать свои кошмары.

В результате долгих тренировок она научилась засыпать так, что все ее сны начинались в ее любимом месте – в саду Бахуса, расположенном на вершине самого высокого холма Нового Рима. Там она чувствовала себя спокойно и в безопасности. Когда в сон вторгались видения – как это всегда случается с полубогами, – она могла их обуздать, представив, что это просто отражения в садовом фонтане. Так ей удавалось спокойно спать и наутро избегать пробуждения в холодном поту.

Однако сегодня ей не повезло.

Сон начался вроде бы неплохо: стоял теплый денек, она находилась в саду, буйная жимолость оплетала дерево. Маленькая статуя Бахуса в центре фонтана извергала изо рта воду в чашу.

Внизу раскинулся Новый Рим: золотые купола и крытые красной черепицей крыши домов. Метрах в восьмистах к западу высились укрепления Лагеря Юпитера, еще дальше, в долине, неторопливо катил свои воды Малый Тибр, будто подернутый золотистой дымкой в лучах летнего солнца.

Рейна держала чашку горячего шоколада – ее любимого напитка.

Она довольно вздохнула. Это место стоило защищать – ради нее, ради друзей, ради всех полубогов. Четыре года, проведенные в Лагере Юпитера, дались Рейне нелегко, но это было лучшее время в ее жизни.

Вдруг небо на горизонте потемнело. Рейна подумала, что надвигается гроза, потом поняла, что через холмы накатывает приливная волна темной глины, выворачивая земной покров, не оставляя позади себя ничего.

Рейна в ужасе наблюдала, как земляная волна достигла края долины. Бог Терминус поддерживал вокруг лагеря волшебный барьер, но он задержал разрушительную силу волны всего на миг. Вверх брызнули искры фиолетового света, как осколки разбитого стекла, и волна хлынула в долину, с корнем вырывая деревья, уничтожая дороги, стирая с карты Малый Тибр.

«Это видение, – подумала Рейна, – я могу им управлять».

Она попыталась изменить сон, представив, что все разрушения – это просто отражения в фонтане, безобидное видеоизображение, но кошмар продолжался, становясь всё более реальным.

Земля поглотила Марсово поле, уничтожила без следа учебные крепости и рвы. Городской акведук рухнул, как башня из детских кубиков. Весь Лагерь Юпитера погибал – дозорные башни рушились, стены и казармы рассыпались. Стихли пронзительные крики полубогов, а земля продолжала двигаться.

Рыдания стиснули горло Рейны. Сияющие храмы и памятники на Храмовой горе рассыпались в прах, смело амфитеатр и ипподром. Земляная волна достигла померия и с ревом устремилась прямо в город. По форуму бежали люди, дети плакали от ужаса.

Сенат взорвался, виллы и сады исчезали, как колосья под рукой жнеца. Волна ударилась о холм и устремилась к саду Бахуса – последнему месту, оставшемуся от мира Рейны.

«Ты бросила их без помощи, Рейна Рамирез-Ареллано, – прозвучал из черной почвы женский голос. – Твой лагерь будет разрушен, твое задание – это кампания для дураков. Мой охотник идет за тобой».

Рейна отлепилась от ограды, окружавшей сад, побежала к фонтану Бахуса и ухватила за край чаши, в отчаянии глядя в воду. Она хотела, чтобы кошмар превратился в безобидное отражение.

КРАК!

Чаша фонтана раскололась надвое от стрелы размером с садовые грабли. Рейна усталилась на ее черное, как вороново крыло, оперение, на древко, окрашенное красным, желтым и черным, точно шкура королевского аспиды, на наконечник из стигийской стали, поразивший ее в живот.

Она подняла голову, взор застилала боль. Через сад к ней приближалась темная фигура – мужской силуэт с горящими, как маленькие фары, глазами, ослепляющими Рейну. Она услышала скрежет металла по коже – прищелец доставал из колчана следующую стрелу.

Потом сон изменился.

Сад и охотник исчезли вместе со стрелой в животе Рейны.

Она оказалась в заброшенном винограднике. На многие акры вокруг рядами стояли деревянные решетки с повисшими на них мертвыми виноградными лозами, похожими на маленькие искривленные скелеты. На дальнем конце поля стоял крытый кедровыми досками фермерский дом, опоясанный верандой. За ним земля обрывалась прямо в море.

Рейна узнала это место: винный завод Голдсмит на северном побережье Лонг-Айленда. Ее разведотряды защищали этот пункт – передовую базу для атаки на Лагерь полукровок.

Она приказала основным силам легиона оставаться в Манхэттене, пока от нее не поступит других указаний, но, очевидно, Октавиан ее послушался.

Весь Двенадцатый легион стоял лагерем на поле, раскинувшись на самой северной оконечности полуострова. Окопались они со своей обычной военной точностью: трехметровой глубины рвы и усеянные шипами земляные стены по всему периметру, на каждом углу дозорная вышка, оснащенная баллистой. В самом лагере бело-красные палатки стояли ровными рядами, на ветру реяли штандарты всех пяти когорт.

Вид легиона должен был бы поднять Рейне настроение, пусть это и небольшие силы – едва наберется около двухсот полубогов, но все они хорошо обучены и организованы. Если бы Юлий Цезарь восстал из мертвых, он без сомнения считал бы солдат войска Рейны достойными воинами Рима.

Но что они делают здесь, так близко от Лагеря полукровок? При мысли о неповиновении Октавиана Рейна сжала кулаки: он специально провоцирует греков начать сражение.

Сон опять изменился – она увидела «крупным планом» крыльцо фермы, на нем в позолоченном кресле сидел Октавиан (выглядело это так, словно он восседает на троне). К сенаторской тоге с пурпурной каймой, значку центуриона и ножу авгура он добавил еще один знак отличия – его голову покрывала мантия из белой ткани, атрибут Великого понтифика, высшего жреца, служителя богов.

Рейне захотелось его придушить. Еще ни один полубог на памяти живущих не присваивал себе титула Великого понтифика. Поступив так, Октавиан почти приравнял себя по званию к императору.

Справа от него стоял низкий стол, заваленный докладами и картами, слева на мраморном алтаре громоздились фрукты и золотые подношения, без сомнения, для богов. Вот только Рейне показалось, что всё это смахивает на алтарь самого Октавиана.

Рядом с ним стоял по стойке «смирно» Джейкоб, носитель легионерского орла, потевший в своем плаще из льиной шкуры; в руках он держал шест, увенчанный золотым орлом, штандартом Двенадцатого легиона.

Октавиан давал аудиенцию: у подножия лестницы стоял парень в джинсах и мятой толстовке с капюшоном, а рядом со скрещенными на груди руками – приятель Октавиана Майк Кахейл, центурион первой когорты, на его хмуром лице явно читалась досада.

– Итак, – Октавиан рассматривал лист пергамента, – как я вижу, ты наследник, потомок Оркуса.

Парень в толстовке поднял голову, и у Рейны перехватило дыхание. Брюс Лоуренс. Она узнала его ежик каштановых волос, сломанный нос, диковатые зеленые глаза и самодовольную кривую усмешку.

– Да, мой господин, – ответил Брюс.

– О, я не господин, – прищурился Октавиан. – Просто центурион, авгур и смиренный жрец, который делает всё ради служения богам. Я так понимаю, тебя уволили из легиона из-за... ага, проблем с дисциплиной.

Рейне хотелось кричать, но она не могла издать ни звука. Октавиану прекрасно известно, за что вышибли Брюса. Как и его божественный предок Оркус, Брюс отличался абсолютной безжалостностью. Этот мелкий психопат сумел пройти испытания Лупы и выжить, но, прибыв в Лагерь Юпитера, показал себя совершенно неспособным к обучению. Он попытался поджечь кошку ради забавы, ударил ножом лошадь и отпустил ее носиться по форуму; его даже подозревали в попытке испортить осадные орудия и убить собственного центуриона во время учений.

Если бы Рейна смогла это доказать, Брюса приговорили бы к смерти. Но поскольку доказательства были косвенными, а семья Брюса богата, могущественна и обладала большим влиянием в Новом Риме, ему вынесли легкий приговор – изгнание.

– Да, понтифик, – медленно проговорил Брюс, – но, если позволите, те обвинения остались недоказанными. Я верноподданный римлянин.

У Майка Кахейла был такой вид, будто он с трудом сдерживает рвотный позыв.

Октавиан улыбнулся:

– Я верю, что каждый человек заслуживает второго шанса. Ты откликнулся на мой призыв о наборе новых рекрутов. У тебя есть подходящие верительные грамоты и рекомендательные письма. Клянешься ли ты выполнять мои приказы и служить легиону?

– Безусловно, – ответил Брюс.

– Тогда ты восстановлен на службе и находишься на испытательном сроке, – постановил Октавиан, – до тех пор, пока не проявишь себя в битве.

Он сделал знак Майку, тот порылся в поясной сумке, выудил оттуда висевшую на кожаном шнурке свинцовую табличку с надписью «probatio»² и надел шнурок на шею Брюсу.

– Доложишь командиру пятой когорты, – велел Октавиан. – Им может понадобится новая кровь, свежие перспективы. Если у центуриона Дакоты возникнут с этим какие-то проблемы, скажи ему, пусть обращается ко мне.

Брюс улыбнулся, словно ему только что вручили острый нож:

– С удовольствием.

– И, Брюс... – лицо Октавиана под белым покрывалом выглядело отвратительно – сощуренные глаза, запавшие щеки, слишком тонкие, бескровные губы. – Сколько бы денег, власти и престижа семья Лоуренсов ни вносила в легион, запомни: моя вносит больше. Я лично за тебя поручился, как ручаюсь за всех новых рекрутов. Следуй моим приказам – и быстро понимаешься. Пожалуй, скоро у меня будет для тебя небольшое дельце – возможность доказать твою верность. Но если пойдешь против меня, я не буду столь мягок, как Рейна. Ты понял?

Улыбка Брюса померкла. Казалось, он хотел что-то сказать, но потом передумал и вместо этого кивнул.

– Хорошо, – проговорил Октавиан. – А еще подстригись, а то выглядишь как один из этих мерзавцев граекусов. Свободен.

Когда Брюс ушел, Майк Кахейл покачал головой:

– Вместе с этим стало две дюжины.

– Это хорошая новость, мой друг, – заверил его Октавиан. – Нам нужна дополнительная живая сила.

² Испытание (лат.).

– Убийцы. Воры. Предатели.

– Преданные полубоги, – возразил Октавиан, – обязанные мне своим положением.

Майк нахмурился. До встречи с ним Рейна не понимала смысла выражения «убойные бицепсы», однако руки Майка были толщиной с базуку каждая. У него было широкое лицо, фигура комплекции «шкаф», волосы цвета оникса и гордые серые глаза, как у древних царей Гавайев. Трудно представить, что у этого полузащитника из старшей школы города Хило³ мать – богиня Венера, однако легионеры никогда об этом не заикались (ведь все они видели, как Майк голыми руками крошит камни).

Рейне всегда нравился Майк Кахейл. К сожалению, Майк был очень предан своему поручителю, а его поручителем был Октавиан.

Понтифик встал и потянулся:

– Не волнуйся, старина. Наши осадные отряды окружили Лагерь полукровок, у наших орлов полное господство в небе. Греки никуда не денутся до тех пор, пока мы не будем готовы нанести удар. Через одиннадцать дней все мои силы будут на месте, и мой маленький сюрприз будет готов. Первого августа на праздник Спес, богини надежды, лагерь греков падет.

– Но Рейна сказала...

– Мы уже это обсуждали. – Октавиан вытащил из-за пояса свой железный кинжал и метнул на стол так, что оружие проткнуло карту Лагеря полукровок. – Рейна лишилась своей должности, отправилась в древние земли, а это против закона.

– Но мать-земля...

– ...пришла в движение из-за войны между лагерями греков и римлян, так? Боги выведены из строя, да? Как же нам решить эту проблему, Майк? Мы устраним разделение, сотрем греков с лица земли и вернем богам их истинное олицетворение – римское. Как только боги полностью восстановят силы, Гея не посмеет восстать. Она снова погрузится в свою дремоту. Мы, полубоги, будем сильны и едины, как во времена нашей древней империи. К тому же первый день августа самый благоприятный – этот месяц назван в честь моего предшественника Августа. А знаешь, как он объединил римлян?

– Захватил власть и стал императором, – громко произнес Майк.

– Чепуха, – отмахнулся Октавиан. – Он спас город, став первым гражданином. Он хотел мира и процветания, а не власти! Поверь мне, Майк, я собираюсь последовать его примеру. Я спасу Новый Рим, а сделав это, не забуду своих друзей.

Майк повел могучими плечами:

– Ты говоришь уверенно. Твой пророческий дар...

Октавиан предупреждающе вскинул руку. Потом быстро глянул на Джейкоба, носителя орла, всё так же стоявшего по стойке «смирно»:

– Джейкоб, ты свободен. Почему бы тебе не пойти отполировать орла или не заняться еще чем-нибудь?

Джейкоб расслабленно опустил плечи:

– Слушаюсь, авгур. То есть центурион! То есть понтифик! То есть...

– Иди.

– Иду.

После того как Джейкоб нетвердой походкой удалился, лицо Октавиана помрачнело:

– Майк, я же велел тебе не упоминать о моей... эм-м-м... проблеме. Отвечаю на твой вопрос: нет, с моим даром, полученным от Аполлона, всё еще есть трудности, – он возмущенно покосился на грудку испорченных мягких игрушек, сваленную в углу крыльца. – Я не могу видеть будущее. Возможно, этот фальшивый оракул из Лагеря полукровок навел на меня какую-то порчу. Однако, как я тебе уже сказал – строго конфиденциально, – в прошлом году

³ Прибрежный город в штате Гавайи, США.

в Лагере Юпитера Аполлон говорил со мной и выразился совершенно ясно! Он лично благословил меня попытаться. Он обещал, что меня запомнят как спасителя римлян.

Октавиан вытянул перед собой руки, демонстрируя татуировку в виде арфы – символа его божественного предка. Семь длинных тонких шрамов символизировали число лет его службы – больше, чем у любого руководящего офицера, включая Рейну.

– Ничего не бойся, Майк. Мы сокрушим греков, остановим Гею и ее прислужников. Потом прижмем эту гарпию, которую укрыли у себя греки, – ту, которая выучила наизусть наши Сивиллины книги, – и заставим ее отдать нам знание наших предков. Как только это будет сделано, Аполлон вернет мне пророческий дар, я уверен. Лагерь Юпитера станет могущественнее прежнего. Мы сами будем вершить будущее.

Майк, всё так же хмурясь, вскинул кулак в салюте:

– Ты главный.

– Верно. – Октавиан вытащил из столешницы свой кинжал. – А теперь иди проверь, как там те двое карликов, которых ты захватил. Нужно их хорошенько запугать перед тем, как я их повторно допрошу и отправлю в Тартар.

Сон оборвался.

– Эй, просыпайся.

Глаза Рейны распахнулись. Над ней склонился тренер Хедж и тряс ее за плечо:

– У нас беда.

От его мрачного тона у девушки отчаянно забилося сердце.

– Что стряслось? – она с трудом села. – Призраки? Чудовища?

Хедж сдвинул брови:

– Хуже. Туристы.

VII. Рейна

Происходило форменное нашествие.

Туристы шастали по развалинам группами по двадцать-тридцать человек, кружили по виллам, бродили по выложенным булыжником дорожкам, таращились на цветные фрески и мозаики.

Рейна волновалась, как туристы отреагируют на двенадцатиметровую статую Афины, стоявшую в центре двора, но, похоже, Туман работал сверхурочно, затуманив зрение смертных.

Всякий раз, когда к дворику приближалась очередная группа, туристы останавливались у самой его границы и растерянно таращились на статую. Какой-то английский гид заметил:

– А, здесь леса. Видимо, тут как раз ведутся реставрационные работы. Жаль. Идем дальше.

И они уходили.

По крайней мере, статуя не громыкала: «УМРИТЕ, НЕВЕРУЮЩИЕ!» и не стирала смертных в порошок. Рейне однажды пришлось иметь дело со статуей Дианы в похожей ситуации, и для нее это был не самый легкий день.

Она вспомнила, что ей сказала Аннабет про Афину Парфенос: волшебная аура статуи привлекает чудовищ и одновременно не дает им приблизиться. И точно, время от времени Рейна краем глаза замечала, как среди развалин мелькают светящиеся белые духи в римских одеждах: они хмурились и смотрели на статую с ужасом.

– Эти лемуры повсюду, – проворчал тренер Хедж. – Пока что они держатся на расстоянии, но лучше бы нам выступить, как только стемнеет. Ночью призраки всегда становятся сильнее.

Рейна и без напоминаний это знала.

Она наблюдала, как пожилая пара в похожих рубашках пастельных тонов и шортах-бермудах ковыляет по близлежащему саду. Хорошо, что они не подходят ближе. Тренер Хедж расставил вокруг лагеря всевозможные ловушки: проволочные растяжки, капканы и огромные мышеловки – ни одного уважающего себя монстра эти штуки не остановили бы, а вот старого человека вполне могли свалить.

Несмотря на теплое утро, Рейна поежилась, вспоминая свои сны. Она не могла решить, что ужаснее: грядущее разрушение Нового Рима или то, как Октавиан отравляет легион изнутри.

«Твое задание – это кампания для дураков».

Рейна нужна Лагерь Юпитера и Двенадцатому легиону, а она в это время находится за тридевять земель, смотрит, как один сатир поджаривает над костром черничные вафли «Eggo», насадив их на прутик.

Ей хотелось поговорить о своих кошмарах, но она решила подождать, пока проснется Нико. Вряд ли ей хватит смелости пересказать свои сны дважды.

Нико продолжал храпеть. Рейна заметила, что после того, как паренек засыпает, его очень трудно разбудить. Тренер мог отбивать своими козлиными копытами чечетку, прыгая вокруг головы Нико, а сын Аида даже не пошевелился бы.

– Вот, – тренер протянул ей тарелку с поджаренными на огне вафлями «Eggo», кусочками свеженарезанных киви и ананаса. Всё вместе выглядело на удивление аппетитно.

– Где вы всё это взяли? – поразилась Рейна.

– Эй, я же сатир. Мы умеем очень эффективно паковаться в дорогу, – он откусил кусок вафли. – Еще мы умеем жить на подножном корму!

Пока Рейна ела, тренер Хедж достал блокнот и принялся что-то записывать. Закончив, он сложил из бумажного листа самолетик и запустил его в воздух. Ветерок унес самолетик прочь.

– Письмо вашей жене? – предположила Рейна.

Тренер глянул на девушку из-под козырька своей бейсболки; глаза покрывала сеточка лопнувших капилляров.

– Мелли – облачная нимфа. Духи ветра всегда отправляют послания на бумажных самолетиках. Надеюсь, ее кузины будут нести письмо через океан, пока оно не дойдет до адресата. Не так быстро, как радужное сообщение Ириды, но, хм... хочу, чтобы наш малыш получил от меня хоть какую-то записку, на случай, если...

– Вы обязательно вернетесь домой, – пообещала Рейна, – и увидите своего малыша.

Хедж стиснул челюсти и ничего не сказал.

Рейна неплохо умела разговаривать собеседника; она считала важным знать как можно больше о товарищах по оружию. Однако у нее ушло немало времени, чтобы убедить тренера Хеджа рассказать о своей жене Мелли – та осталась в Лагере полукровок и вот-вот должна была родить. Рейна с трудом представляла тренера в роли отца, но понимала, каково это – расти без родителей. Ребенка тренера Хеджа не должна постигнуть такая участь.

– Ну что же... – сатир откусил еще кусок «Eggo», отхватив и часть ветки, на которую была насажена вафля. – Просто хотелось бы двигаться побыстрее, – он подбородком указал на Нико. – Не представляю, как этот малыш выдержит еще один прыжок. Сколько еще времени нам понадобится, чтобы попасть домой?

Рейна разделяла его беспокойство. Всего через одиннадцать дней гиганты собираются разбудить Гею, в тот же день Октавиан хочет напасть на Лагерь полукровок. Вряд ли это совпадение. Возможно, Гея нашептывает Октавиану на ухо, влияя на его решения на уровне подсознания. Или еще хуже: Октавиан вступил в союз с богиней земли по доброй воле. Рейне не хотелось верить, что кто-то, даже Октавиан, может предать легион, но после того, что она видела во сне, ничего нельзя утверждать наверняка.

Она доедала свою порцию, глядя, как по двору неторопливо бредет группа китайских туристов. Претор проснулась менее часа назад, и ей уже не терпелось продолжить путь.

– Спасибо за завтрак, тренер Хедж. – Она встала и потянулась. – Вы меня извините, но там, где есть туристы, есть и уборные. Мне нужно воспользоваться кабинкой для преторов.

– Давай, – тренер поиграл висевшим на шее свистком. – Если что случится – буду свистеть.

Рейна оставила Аурума и Аргентума нести стражу и прогулочным шагом стала пробираться через толпу смертных, пока не нашла центр помощи туристам, в котором имелись туалеты. Она постаралась привести себя в порядок, насколько было можно. И всё же какая ирония: она находится в римском городе – и не может насладиться горячей римской ванной. Пришлось обойтись бумажными полотенцами, сломанным дозатором для мыла и сушилкой для рук, кашляющей точно астматик. А уж сами туалеты... пожалуй, не стоит о них говорить.

На обратном пути она проходила мимо маленького музея с застекленной витриной. В ней лежали в ряд гипсовые фигуры, замершие в предсмертных муках. Девочка в позе эмбриона, скорчившаяся в агонии женщина открыла рот в крике, руки прикрывают голову. Коленопреклоненный мужчина опустил голову, готовый принять неизбежное.

Рейна уставилась на витрину со смесью ужаса и отвращения. Она читала о таких фигурах, но сама никогда их не видела. После извержения Везувия Помпеи накрыл вулканический пепел; он облепил гибнущих горожан и окаменел. Человеческие тела рассыпались, так что внутри застывшей «скорлупы» осталось пустое пространство. Первые археологи залили пустоты гипсом и сделали гипсовые слепки – жуткие репродукции древних римлян.

Рейна считала это возмутительным и неправильным – выставлять на всеобщее обозрение людей, запечатленных в момент их смерти, будто предметы одежды, – и всё же не могла отвести глаз.

Всю жизнь она мечтала попасть в Италию, хоть и полагала, что этого никогда не произойдет. Современным полубогам запрещено находиться в древних землях: на этой территории слишком опасно. Несмотря на это, она мечтала пройти по следам Энея, сына Афродиты, первого полубога, который отправился сюда после Троянской войны. Хотела увидеть настоящую реку Тибр, где волчья богиня Лупа спасла Ромула и Рема.

Но Помпеи? Рейна никогда не хотела оказаться здесь. Место самого печально известного несчастья, постигшего Рим, целый город, поглощенный землей... После своих кошмаров Рейна не могла не принимать всё это близко к сердцу.

За всё то время, что она находилась в древних землях, Рейна успела увидеть только одно место из тех, которые мечтала посетить: дворец Диоклетиана в Сплите, но даже это посещение прошло не так, как ей бы хотелось. Когда-то Рейна мечтала, что побывает там вместе с Джейсоном и они осмотрят дом их любимого императора. В своем воображении она рисовала совместные романтические прогулки по старому городу, пикники на фоне заката.

Вместо этого Рейна прибыла в Хорватию не с Джейсоном, а с дюжиной злобных духов ветра у себя на хвосте. Во дворце ей пришлось с боем прорываться через призраков. Когда она выбиралась оттуда, на нее напали грифоны, смертельно ранившие ее пегаса. А от Джейсона она получила только записку, спрятанную под основанием бюста Диоклетиана.

Об этом месте у нее остались только горькие воспоминания.

«Хватит страдать, – отругала себя девушка. – Эней тоже страдал, как и Ромул, Диоклетиан и все остальные. Римляне не жалуются на трудности».

Глядя на выставленные в витрине гипсовые фигуры погибших, она задавалась вопросом: какие мысли проносились в голове этих людей, когда, скорчившись, ждали смерти под горами пепла? Уж наверное они не думали: «Ну, мы же римляне! Нам не пристало жаловаться!»

Из развалин прилетел порыв ветра, вызвав звук, похожий на замогильный стон. Блеснул, отразившись от стекла, солнечный луч, на мгновение ослепивший Рейну.

Девушка вздрогнула и подняла голову; солнце сияло высоко в небе. Она ушла из дома фавна сразу после завтрака и простояла перед витриной всего несколько минут, – разве не так?

Она отвернулась от экспонатов выставки и торопливо пошла прочь, пытаясь избавиться от ощущения, что мертвые помпейцы перешептываются у нее за спиной.

Остаток дня прошел так спокойно, что это действовало на нервы.

Рейна несла вахту, пока тренер Хедж спал, однако вокруг не наблюдалось ничего, за чем стоило бы приглядывать. Приходили и уходили туристы; над головой время от времени пролетали одинокие гарпии и духи ветра, и тогда собаки Рейны предупреждающе рычали, однако чудовища не останавливались и не лезли в драку.

Вокруг дворика крались призраки, явно напуганные присутствием Афины Парфенос. Девушка не могла их винить. Казалось, чем дольше статуя находится в Помпеях, тем больше излучает злобы, так что у Рейны зудела кожа, а нервы напряглись до предела.

Сразу после заката наконец-то проснулся Нико. Он в один присест проглотил авокадо и сэндвич с сыром – у него впервые прорезался такой аппетит после того, как они покинули Дом Аида.

Рейне очень не хотелось омрачать ему ужин, но у них совсем не осталось времени. Как только померкнет дневной свет, призраки, да еще и в огромных количествах, начнут подбираться поближе.

Рейна рассказала Нико про свои сны: про то, как земля поглотила Лагерь Юпитера, Октавиан наступает на Лагерь полукровок, а охотник со светящимися глазами поразил ее в живот.

Нико уставился на свою пустую тарелку:

– Тот охотник... может, это гигант?

Тренер Хедж проворчал:

– Лучше не знать. Давайте-ка двигаться.

Нико дернул уголком рта:

– Ты предлагаешь нам уклониться от драки?

– Слушай, красавчик, я люблю помахать кулаками не меньше других, но у нас на хвосте и так куча монстров, не хватало еще, чтобы в качестве дополнительного приза за нами по всему свету тащился какой-то гигант. Да еще и с огромными стрелами.

– На этот раз я согласна с Хеджем, – сказала Рейна.

Нико развернул свою летнюю куртку и просунул палец в отверстие от стрелы в рукаве.

– Я мог бы попросить совета, – проговорил он с неохотой. – У Талии Грейс...

– У сестры Джейсона, – уточнила Рейна.

Она никогда не встречала Талию. Вообще-то она только недавно узнала, что у Джейсона есть сестра. Он говорил, что его сестра – греческая полубогиня, дочь Зевса, предводительница последовательниц Дианы... нет, Артемиды. Как ни называй, всё равно голова идет кругом от одной только мысли...

Нико кивнул.

– Охотницы Артемиды – это... хм... охотницы. Если кто-то что-то и знает про этого гигантского чувака, так это Талия. Можно попробовать отправить ей радужное сообщение Ириды.

– Судя по твоему тону, тебя не очень-то вдохновляет такая перспектива, – заметила Рейна. – Вы... в плохих отношениях?

– В прекрасных.

В нескольких метрах от них тихо зарычал Аурум, – значит, Нико солгал.

Рейна решила не давить на него.

– Тогда мне тоже стоит послать весточку своей сестре Хилле, – сказала она. – Лагерь Юпитера охраняется малым числом воинов. Если Гея нанесет удар там, возможно, амазонки смогут помочь.

Тренер Хедж нахмурился:

– Без обид, но... что армия амазонок может сделать против стены грязи?

Рейна подавила нарастающую волну ужаса. Она подозревала, что Хедж прав. То, что она увидела во сне, можно победить только одним способом: не позволить гигантам разбудить Гею. А для этого придется довериться команде «Арго-II».

Дневной свет уже почти померк. Вокруг двора собрались толпы призраков – сотни светящихся римлян, вооруженных призрачными дубинками и камнями.

– Мы можем продолжить разговор после следующего прыжка, – решила Рейна. – А сейчас нужно убираться отсюда.

– Ага, – Нико поднялся. – Думаю, на этот раз мы можем добраться до Испании, если повезет. Только дайте мне...

Толпа призраков исчезла – словно кто-то одним махом задул свечи на именинном пироге.

Нико лихорадочно переводил взгляд туда-сюда, осматривая руины, на лице отразилась озабоченность:

– Я... я не уверен, но не думаю, что это хороший знак. Смотрите в оба. Я привяжусь веревками. Мне нужно всего несколько секунд.

Глисон Хедж поднялся на свои копыта:

– *Несколько секунд у тебя нет.*

Желудок Рейны свернулся в крошечный комочек.

Хедж говорил женским голосом – тем самым, который Рейна слышала в своем кошмаре.

Она вытащила нож.

Хедж повернулся к ней, его лицо ничего не выражало, глаза стали абсолютно черными:

– Радуйся, Рейна Рамирез-Ареллано. Ты умрешь как римлянка и присоединишься к призракам Помпеев.

Земля заворчала. По всему двору в воздух спиралями поднимались струйки пепла, они собирались вместе, образуя грубые человеческие фигуры – земляные «скорлупки» вроде тех, что она видела в музее. Они смотрели на Рейну, только вместо глаз на их каменных лицах зияли неровно пробитые дыры.

– *Земля поглотит тебя*, – произнес Хедж голосом Геи. – *Как когда-то поглотила их.*

VIII. Рейна

– Их слишком много, – Рейна с горечью подумала, что за свою карьеру полубогини проносила эти слова бесчисленное количество раз.

Ей следовало бы иметь специальную кнопку, чтобы каждый раз нажимать в случае необходимости – для экономии времени. После ее смерти эти слова, вероятно, выбьют на ее надгробии: «Их было слишком много».

Борзые Рейны стояли по обеим сторонам от нее и рычали на пустые земляные оболочки. Рейна насчитала не меньше двадцати «големов», и они наступали со всех сторон.

Тренер Хедж продолжал говорить мягким женским голосом:

– Мертвые всегда превосходят числом живых. Духи ждали столетиями, не имея возможности дать волю гневу. Теперь я дала им тела из земли.

Один из земляных призраков выступил вперед. Он двигался медленно, но шагал так тяжело, что под его ногами трескалась древняя изразцовая плитка.

– Нико! – позвала Рейна.

– Я не могу их контролировать, – откликнулся паренек, ожесточенно распутывая веревки. – Кажется, они что-то вроде каменной скорлупы. Мне нужно несколько секунд, чтобы сконцентрироваться перед прыжком через тень, иначе я могу телепортировать нас в жерло очередного вулкана.

Рейна тихо выругалась. В одиночку ей ни за что не отбиться от такого количества противников, пока Нико готовит их побег, особенно учитывая, что тренер Хедж вышел из строя.

– Используй скипетр, – велела она. – Состряпай мне парочку зомби.

– Это не поможет, – произнес тренер Хедж нараспев. – Отойди, претор, дай призракам Помпеев уничтожить эту греческую статую. Истинная римлянка не стала бы препятствовать.

Земляные призраки тяжело надвигались. Из отверстий, заменяющих им рты, вырывались замогильные свистящие звуки, как будто кто-то дул в пустые бутылки из-под газировки. Один наступил на теннисно-ракетно-ножевой капкан тренера и развалил его на куски.

Нико вытащил из-за пояса скипетр Диоклетиана.

– Если я призову еще мертвых римлян... где гарантия, что они не присоединятся к этой толпе покойников?

– Я гарантирую. Я претор. Дай мне легионеров, и я смогу ими управлять.

– *Ты погибнешь*, – проговорил тренер. – *Ты никогда не...*

Рейна стукнула его по голове рукояткой ножа, и сатир осел на землю.

– Простите, тренер, – пробормотала девушка, – но сколько ж можно. Нико, зомби! А потом сконцентрируйся и вытащи нас отсюда!

Нико поднял скипетр над головой, и земля задрожала.

Именно в этот миг земляные призраки решили перейти в наступление. Аурум прыгнул на ближайшего монстра и своими металлическими клыками буквально откусил ему голову. Земляная оболочка упала навзничь и разбилась вдребезги.

Аргентуму повезло меньше: он бросился на другого призрака, но тот взмахнул тяжелой рукой и ударил пса прямо по морде. Аргентум отлетел в сторону, с трудом поднялся. Ударом ему свернуло голову на сорок пять градусов вправо и выбило один рубиновый глаз.

Ярость пронзила грудь Рейны раскаленным шипом. Она уже потеряла пегаса, так что своих собак терять не собирается. Рубанув ножом по груди призрака, она выхватила гладиус. Строго говоря, драться двумя клинками не вполне в духе римлян, но Рейна какое-то время жила среди пиратов и у нее в запасе имелось множество приемов.

Земляные оболочки легко рассыпались, но их кулачищи разили как кувалды. Рейна не знала, откуда в ней такая уверенность, но ясно понимала: нельзя позволить им нанести ни одного удара. В отличие от Аргентума она не выживет, если ей свернут шею.

– Нико! – Она поднырнула под кулаками сразу двух земляных духов, и они благополучно разmozжили друг другу головы. – Давай, как только будешь готов!

В центре двора вспучилась земля: десятки скелетов римских солдат прорывали себе путь на поверхность. Их щиты походили на гигантские, изъеденные коррозией монеты, клинки состояли больше из ржавчины, чем из металла. И всё же, увидев подкрепление, Рейна испытала неимоверное облегчение.

– Легион! – прокричала она. – *Ad aciem!*

Зомби откликнулись на ее приказ и, расталкивая земляных призраков, построились в боевую линию. Некоторые падали, сокрушенные каменными кулаками, и рассыпались в прах, другие сумели сомкнуть ряды и подняли щиты.

У нее за спиной выругался Нико.

Рейна рискнула обернуться: скипетр Диоклетиана дымился у Нико в руках.

– Он борется со мной! – завопил паренек. – Кажется, ему не нравится призывать римлян для сражения с другими римлянами!

Рейна знала, что древние римляне провели едва ли не полжизни, сражаясь друг с другом, но решила не поднимать эту тему.

– Хотя бы защищай тренера Хеджа. Будь готов перенести нас через тень! Я постараюсь выиграть нам немного...

Нико пронзительно вскрикнул. Скипетр Диоклетиана взорвался, разлетевшись на куски. Не было похоже, что Нико поранился, он только потрясенно смотрел на Рейну:

– Я... я не знаю, что случилось. У тебя есть в лучшем случае несколько минут, а потом твои зомби исчезнут.

– Легион! – прокричала Рейна. – *Orbem formate! Gladium signe!*⁴

Зомби окружили Афины Парфенос и приготовились ее защищать. Аргентум подтащил бессознательного тренера Хеджа к Нико, пока тот ожесточенно затягивал на себе веревки. Аурум стоял на страже, кидаясь на любого земляного призрака, пытавшегося прорваться через строй зомби.

Рейна сражалась плечом к плечу с мертвыми легионерами, делясь с ними своей силой. Она знала: этого не хватит. Земляные призраки падали один за другим, но от земли продолжали подниматься тонкие струйки пепла, свивавшиеся в новых и новых монстров. Всякий раз, когда удары их каменных кулаков достигали цели, в рядах защитников статуи становилось на одного зомби меньше.

Между тем Афина Парфенос возвышалась над полем битвы – величественная, надменная, безразличная.

«Небольшая помощь нам не повредила бы, – подумала Рейна. – Может, какой-нибудь разрушительный луч или старый добрый прием «раздави врагов в лепешку»?»

Статуя ничего не делала, лишь излучала ненависть и, кажется, направляла ее в равной степени и на Рейну, и на атакующих призраков.

«Хочешь отволочь меня на Лонг-Айленд? – как бы говорила статуя. – Ну что ж, удачи, римское ничтожество».

Значит, участь Рейны – погибнуть, защищая пассивно-агрессивную богиню.

Она продолжала сражаться, вливая всё больше своей воли в восставших из мертвых воинов. Взамен они бомбардировали ее отчаянием и негодованием.

⁴ Гладиисы наголо! (лат.)

«Ты бьешься без толку, – шептали у нее в сознании легионеры-зомби. – Империя погибла».

– За Рим! – хрипло закричала Рейна. Она разрубила гладиусом одного земляного призрака и воткнула кинжал в грудь второго. – Двенадцатый легион Фульмината!

Все зомби вокруг нее пали – одни рассыпались под ударами каменных кулаков, другие развевались сами собой, потому что остатки сил скипетра Диоклетиана наконец иссякли.

Земляные призраки наступали – море бесформенных лиц с пустыми глазницами.

– Рейна, сейчас! – завопил Нико. – Уходим!

Она быстро оглянулась. Нико привязал себя веревками к Афине Парфенос, на руках он держал отключившегося тренера Хеджа – точно тот барышня в обмороке. Аурум и Аргентум исчезли – видимо, получили слишком серьезные повреждения и больше не могли драться.

Рейна запнулась.

Каменный кулак нанес ей скользящий удар по грудной клетке, и бок обожгла сокрушительная боль. Перед глазами всё поплыло, она попыталась вздохнуть, и ей показалось, что она глотает ножи.

– Рейна! – снова закричал Нико.

Афина Парфенос замерцала, еще миг – и она исчезнет.

Один из земляных призраков замахнулся, целясь Рейне в голову, претор сумела увернуться, но от боли в боку едва не потеряла сознание.

«Сдавайся, – шептали голоса у нее в голове. – Наследие Рима мертво и похоронено, совсем как Помпеи».

– Нет, – пробормотала она себе под нос. – Пока я жива – не сдамся.

Нико протянул руку и скользнул в тень. Из последних сил Рейна бросилась к нему.

IX. Лео

Лео не хотел выходить из стены.

Ему оставалось прикрепить еще три скобы. Остальные члены экипажа были недостаточно тощими, чтобы пролезть в узкую щель (вот одно из преимуществ худобы!).

Втиснувшись между поясами обшивки корпуса, вооружившись паяльником и проволокой, Лео мог побыть наедине со своими мыслями. Когда его что-то расстраивало (а это случилось приблизительно каждые пять секунд), он мог долбить по обшивке киянкой, и остальные члены экипажа думали, что он просто работает, а не устраивает истерику.

У его убежища был лишь один недостаток: Лео помещался там только до пояса. Нижняя часть корпуса и ноги оставались открытыми взорам широкой общественности, так что спрятаться не получалось.

– Лео! – раздался откуда-то снизу голос Пайпер. – Ты нам нужен.

Выкованное из небесной бронзы уплотнительное кольцо выскользнуло из клещей, которыми Лео его зажал, и улетело куда-то в недра узкого пространства.

Лео вздохнул:

– Обращайся к моим штанам, Пайпер, потому что руки заняты!

– Я не буду говорить с твоими штанами. Встречаемся в кают-компании. Мы уже почти в Олимпии.

– Ага, ладно. Буду через минуту.

– Что ты вообще там делаешь? Торчишь внутри корпуса целыми днями.

Лео поводил фонариком, оценивая пластины и поршни из небесной бронзы, которые он медленно, но верно устанавливал:

– Текущее техническое обслуживание.

Молчание. Увы, Пайпер всегда умела определить, когда он врет.

– Лео...

– Эй, пока ты там, сделай мне одолжение. У меня жутко чешется прямо под...

– Прекрасно, я ухожу!

Лео еще пару минут повозился, устанавливая скобу. Работа не закончена, дел еще вагон и маленькая тележка. Но он продвигается.

Конечно, он заложил основу своего секретного проекта, когда строил «Арго-II», но никому об этом не рассказал. Он едва осмеливался признаться самому себе, что именно делает.

«Ничто не вечно, – как-то раз сказал ему отец. – Даже самые лучшие машины».

Ну да, о'кей, возможно, так и есть. Только еще Гефест сказал: «Всё можно использовать повторно», и Лео собирался проверить эту теорию.

Риск, конечно, велик. Если у него не получится, это его раздавит. Не только эмоционально – его раздавит физически.

От этой мысли у него начиналась клаустрофобия.

Юноша ужом выбрался из узкого пространства и вернулся в свою каюту.

Ну... формально это была его каюта, но он там не спал. На матрасе разбросаны провода, гвозди и начинка от нескольких разобранных бронзовых машин. Три огромных инструментальных шкафа на колесиках – Чико, Харпо и Граучо⁵ – занимали большую часть комнаты. На стенах висели десятки механизированных инструментов. На рабочем столе громоздились фотокопии текста «О сферах» – забытый труд Архимеда, который Лео стянул из подземной мастерской в Риме.

⁵ Сценические псевдонимы артистов американского комедийного квинтета «Братья Маркс», необычайно популярного в 30–40-х годах XX века.

Даже если бы он захотел поспать в своей каюте (и нашел свободное место), это было бы слишком опасно. Лео предпочитал укладываться спать внизу, в машинном отделении, там он быстрее засыпал под умиротворяющий гул механизмов. Кроме того, после пребывания на острове Огигия Лео полюбил спартанский образ жизни. Спальный мешок на полу – вот и всё, что нужно для счастья.

Кабину он использовал только как склад... и для работы над своими самыми трудными проектами.

Лео достал из пояса для инструментов ключи. Несмотря на спешку, он, отперев средний ящик Граучо, какое-то время смотрел на два спрятанных там драгоценных предмета: бронзовую астрольбию, которую привез из Болоньи, и полученный на Огигии обломок кристалла размером с кулак. Лео никак не мог придумать, как соединить эти два предмета, и это сводило его с ума.

Юноша надеялся найти ответы, когда они прибудут на Итаку. В конце концов, это дом Одиссея, чувака, сконструировавшего астрольбию. Однако, судя по словам Джейсона, в этих руинах никаких ответов нет, только кучка раздражительных вурдалаков и призраков.

Как бы то ни было, Одиссей так и не заставил астрольбию заработать, потому что у него не было кристалла, который можно использовать в качестве приводного радиомаяка. А у Лео он есть. Он должен преуспеть там, где потерпели неудачу умнейшие полубоги всех времен.

Всё дело в невезении Лео. На Огигии его ждет потрясная бессмертная девушка, а он не может понять, как подключить дурацкий осколок кристалла к навигационному прибору трехтысячелетней давности. Некоторые задачки не решить даже с помощью клейкой ленты для герметизации.

Лео закрыл и запер ящик.

Потом перевел взгляд на доску, укрепленную над рабочим столом, на которой висели рядом два рисунка. Один Лео нарисовал карандашом в семь лет – схема летающего корабля, который он увидел во сне. Другой, набросок углем, недавно нарисовала для него Хейзел.

Хейзел Левеск... Эта девушка просто нечто. Как только Лео вернулся к команде на Мальте, она сразу же поняла, что его что-то мучает. После всей этой заварушки в Доме Аида она при первой же возможности продефилировала в каюту Лео и сказала: «Выкладывай».

Хейзел оказалась хорошей слушательницей, и Лео рассказал ей всё как есть. Позже вечером она пришла в его каюту с альбомом для рисования и угольными карандашами.

«Опиши ее, – настаивала она. – Во всех деталях».

Лео чувствовал себя странно, помогая Хейзел рисовать портрет Калипсо, как будто беседовал с художником в полиции. «Да, офицер, вот эта девушка похитила мое сердце». Будто слова из дебильной деревенской песенки.

Впрочем, описать Калипсо оказалось нетрудно – стоило Лео закрыть глаза, как он видел ее словно наяву.

Теперь ее портрет смотрел на него с доски для заметок – миндалевидные глаза, пухлые губы, длинные прямые волосы перекинута через плечо, платье без рукавов. Он почти чувствовал исходящий от нее аромат корицы. Ее нахмуренные брови и опущенный уголок рта как будто говорили: «Лео Вальдес, ты только обо мне и думаешь».

Проклятье, он любит эту женщину!

Лео прикрепил ее портрет рядом со схемой «Арго-II» как напоминание о том, что иногда мечты действительно исполняются. Ребенком он мечтал построить летучий корабль, и в конечном счете построил. А теперь ему нужно придумать способ вернуться к Калипсо.

Судя по стихшему гулу, корабельные винты переключились на малый шаг. По громкой связи закрипел и завизжал голос Фестуса.

– Ага, спасибо, приятель, – поблагодарил Лео. – Уже иду.

Корабль снижался, а значит, проектам Лео придется подождать.

– Держись, Солнышко, – сказал он портрету Калипсо. – Я вернусь к тебе, как и обещал. Лео буквально слышал, как она отвечает: «Я тебя вовсе не жду, Лео Вальдес. Я не влюблена в тебя. И уж конечно, не верю твоим глупым обещаниям!»

Эта мысль заставила его улыбнуться. Он убрал ключи обратно в пояс для инструментов и направился в кают-компанию.

Остальные шестеро полубогов завтракали.

Давным-давно Лео бы забеспокоился: как это так, все собрались под палубой, и никого не осталось у штурвала. Впрочем, с тех пор как Пайпер своим волшебным голосом уговорила Фестуса постоянно бодрствовать (Лео до сих пор не понимал, как ей удалось повернуть этот трюк), установленная на носу голова дракона была более чем в состоянии управлять кораблем самостоятельно. Фестус мог вести судно, проверять показания радара, готовить черничный смузи и изрыгать на нападающих раскаленные добела струи огня – и всё это одновременно, ни разу не сбившись.

И потом у них в резерве имелся Буфорд, волшебный стол.

После отбытия тренера Хеджа в вылазку через тень Лео решил, что трехногий столик вполне может заменить их «взрослую няньку». Он приклеил к столешнице Буфорда волшебную спираль, проецирующую малюсенькую голографическую модель тренера Хеджа. Мини-Хедж носился по столешнице, время от времени выкрикивая: «ВЫРУБИ ЭТО!», «Я ТЯ ЩАС УБЬЮ!» и (самое популярное) «НАДЕНЬТЕ НА СЕБЯ ЧТО-НИБУДЬ!»

Сегодня Буфорд занял позицию у штурвала. Если огни Фестуса не напугают никаких чудовищ, это определенно удастся голографическому Хеджу.

Лео остановился в дверном проеме кают-компания, поглядел на собравшихся за столом полубогов. Ему не так уж часто доводилось видеть своих друзей всех вместе.

Перси поедал огромную гору синих оладий (откуда у него этот сдвиг на синей еде?), а Аннабет подшучивала над ним – дескать, он налил слишком много сиропа.

– Ты их утопишь! – смеялась она.

– Эй, я же дитя Посейдона, – оправдывался юноша. – Я не могу утонуть, значит, и оладьи у меня непотопляемые.

Слева от них Фрэнк и Хейзел мисками придавили карту Греции, чтобы она не сворачивалась в трубочку. Они рассматривали карту, их головы почти соприкасались. Время от времени рука Фрэнка накрывала руку Хейзел, так ласково и естественно, словно они старая супружеская пара, и Хейзел совершенно не выглядела смущенной, а это настоящий прогресс для девушки из сороковых годов XX века. До недавних пор она едва не падала в обморок, если кто-то говорил «черт побери».

Сидевший во главе стола Джейсон болезненно морщился, пока сестричка Пайпер, задрав на нем футболку, меняла ему повязку.

– Сиди спокойно, – приговаривала она. – Знаю, это больно.

– Просто холодно, – возражал юноша.

В его голосе слышалась боль. Рана, нанесенная тем дурацким гладиусом, всё еще болела. Кожа вокруг входного отверстия на спине приобрела отвратительный фиолетовый цвет и дымилась. Похоже, это не очень хороший знак.

Пайпер старалась вести себя так, будто всё хорошо, но в разговоре с Лео один на один призналась, что очень волнуется. Амброзия, нектар и лекарства смертных приносили только временное облегчение. Глубокий порез, сделанный оружием из небесной бронзы или имперского золота, способен буквально разложить сущность полубога изнутри. Пусть даже Джейсону сейчас немного лучше, во всяком случае он утверждает, что чувствует себя лучше. Пайпер в этом сильно сомневалась.

Жаль, что Джейсон не металлический автоматон. Тогда Лео, по крайней мере, придумал бы, как помочь лучшему другу. Когда же дело касалось людей... Лео чувствовал себя беспомощным. Они слишком легко ломаются.

Он души не чаял в друзьях и сделал бы для них всё. Однако, глядя на этих шестерых – три пары, в каждой из которых оба поглощены друг другом, – он думал о предупреждении Немезиды, богини мщения: «Тебе не будет места среди собратьев. Ты всегда будешь изгоем, седьмым колесом».

Он уже начинал верить, что Немзида сказала тогда правду. Даже если Лео проживет достаточно и его безумный секретный план сработает... всё равно его судьба осталась неизвестно с кем, на острове, который ни один человек не может найти дважды.

Так что сейчас у него не было выбора – приходилось следовать собственному старому правилу: продолжать двигаться. Не задерживаться. Не думать о плохом. Улыбаться и шутить, даже если не хочется веселиться. Особенно если не хочется веселиться.

– Что случилось, ребята? – Лео вошел в кают-компанию. – Ах да, шоколадные пирожные с орехами!

Он ухватил последнее – приготовленное по особому глубоководному рецепту, полученному от Афроса, рыбокентавра, живущего на дне Атлантического океана.

В интеркоме захрустело, и голос мини-Хеджа-Буфорда заорал, перекрывая все разговоры:

– НАДЕНЬТЕ НА СЕБЯ ЧТО-НИБУДЬ!

Все подпрыгнули. Хейзел отскочила от Фрэнка на два метра, Перси пролил сироп в свой апельсиновый сок, Джейсон неловко опустил задранную футболку, а Фрэнк превратился в бульдога.

Пайпер возмущенно глянула на Лео:

– Я думала, ты избавился от этой глупой голограммы.

– Эй, просто Буфорд желает нам доброго утра. И потом мы все скучаем по тренеру. А из Фрэнка получается такой милый бульдог.

Фрэнк превратился обратно в плотного, раздраженного парня китайско-канадского происхождения:

– Просто сядь, Лео. Нам нужно кое-что обсудить.

Лео втиснулся между Джейсоном и Хейзел, полагая, что из всех остальных они с наименьшей вероятностью дадут ему по голове, если он будет откалывать шуточки. Он откусил от пирожного и нагреб себе на тарелку нездоровой итальянской еды – чипсов «Fonzies», – чтобы дополнить сбалансированный завтрак. С тех пор как юноша купил их в Болонье, он слегка к ним пристрастился. Сыр и злаки, два в одном – сочетание его любимых продуктов.

– Итак... – Джейсон наклонился вперед и поморщился. – Мы остаемся в воздухе и бросаем якорь как можно ближе к Олимпии. Нам придется пролететь в глубь материка дальше, чем мне бы хотелось – где-то на восемь километров, – но выбирать нам особо не из чего. По словам Юноны, нам нужно найти богиню победы и хм... подавить ее.

Над столом повисло неловкое молчание.

Голографические стены занавесили новыми шторами, из-за чего в кают-компании стоял непривычный полумрак, но тут уж ничего не поделаешь. После того как карлики-близнецы Керкопы вывели стены из строя, передаваемый в реальном времени видеосигнал из Лагерь полукровок временами сбоил, и стены начинали показывать многократно увеличенные физиономии гномов – рыжие усы, ноздри и гнилые зубы. Это не то зрелище, которым хочется наслаждаться, пережевывая завтрак или обсуждая судьбу мира.

Перси маленькими глотками цедил сдобренный сиропом апельсиновый сок (похоже, вкус его вполне устраивал).

– Мне, конечно, раз плюнуть время от времени сразиться с богиней, но я всегда думал, что Ника *хорошая*, разве не так? То есть лично я люблю победу, а ее много не бывает.

Аннабет побарабанила пальцами по столу:

– Это действительно странно. Я могу понять, почему Ника находится в Олимпии, – это родина олимпиад и всё такое. Участники состязаний приносили ей жертвы. Греки и римляне почитали ее здесь примерно двенадцать сотен лет, так?

– Почти до конца существования Римской империи, – согласился Фрэнк. – Римляне называли ее Викторией, но разницы никакой. Ее любили все. Кто же не любит побеждать? Не понимаю, с чего бы нам ее подавлять.

Джейсон нахмурился. От раны под рубашкой тонкой струйкой поднимался дым.

– Всё, что я знаю... Упырь Антиной сказал: «Виктория, обезумев, бежит по Олимпии». Юнона предупредила, что нам никогда не преодолеть раскол между греками и римлянами, если мы не победим победу.

– И как же нам победить победу? – подняла брови Пайпер. – Такое чувство, что это очередная головоломка.

– Это примерно из разряда «как заставить камни летать», – вставил Лео, – или «как съесть только одну пачку «Fonzies».

Он отправил в рот пригоршню чипсов.

Хейзел сморщила нос:

– Эта штука тебя убьет.

– Ты шутишь? В этих хрустяшках столько консервантов, что я буду жить вечно. О, слушайте, к вопросу о том, как эта великая богиня всеми любима – вспомните-ка ее детей из Лагеря полукровок.

Хейзел и Фрэнк никогда не были в Лагере полукровок, однако остальные четверо мрачно закивали.

– Лео говорит дело, – проговорил Перси. – Ребята из домика номер семнадцать... в них невероятно силен соревновательный дух. Когда дело доходило до захвата флага, они вели себя еще хуже детей Ареса. Хм, без обид, Фрэнк.

Фрэнк пожал плечами:

– Говоришь, у Ники есть темная сторона?

– У ее детей определенно есть, – кивнула Аннабет. – Они всегда принимают вызов, обязаны быть первыми во всем. Если их мать так же настойчива...

– Погоди-ка, – Пайпер хлопнула ладонями по столу, словно хотела удержаться при сильной качке. – Ребята, все боги разрываются между своими греческой и римской половинами, так? Если это относится к Нике тоже, а она богиня победы...

– ...тогда у нее серьезно поехала крыша, – закончила Аннабет. – Ей непременно захочется, чтобы одна из ее сторон восторжествовала, дабы объявить победителя. И она буквально сразится сама с собой!

Хейзел слегка подтолкнула локтем свою миску с хлопьями, передвигая ее по карте Греции.

– Вот только мы не хотим победы одной из сторон. Мы должны заставить греков и римлян играть в одной команде.

– Может, в этом всё и дело, – предположил Джейсон. – Если богиня победы впала в неистовство и разрывается между греками и римлянами, вероятно, она сделала невозможным объединение этих двух лагерей.

– Как? – поинтересовался Лео. – Начала холивар в Twitter?

Перси потыкал оладьи вилкой:

– Может, она как Арес, а он способен спровоцировать драку, просто пройдя по заполненной людьми комнате. Если Ника излучает дух соревнования, или как там оно называется, то она в силах еще больше усугубить противостояние греков и римлян.

Фрэнк указал на Перси пальцем:

– Я помню того старого морского бога из Атланты – кажется, его звали Форкий? Он сказал, что у планов Геи всегда есть тройное дно. Возможно, это часть стратегии гигантов – усилить разрыв между двумя лагерями и поддерживать разделение богов в самих себе. Если это так, нельзя позволить Нике заставить нас играть друг против друга. Нужно высадить десантный отряд из четырех человек, двух греков и двух римлян. Может, такое соотношение поможет ей достичь внутренней гармонии?

Слушая Чжана, Лео невольно пересматривал свое мнение о нем. Просто удивительно, как сильно парень изменился за последние несколько недель.

Фрэнк не только стал выше и мускулистее – он обрел уверенность в себе, охотнее брал на себя ответственность. Может, из-за того, что волшебная щепка, от которой зависела его жизнь, лежала надежно спрятанная в негосгораемом мешочке, а может, из-за того, что ему довелось командовать легионом зомби и он был повышен до претора. В любом случае Лео уже не видел в нем того неуклюжего олуха, который однажды превратился в игуану, лишь бы выбраться из китайской ловушки для пальцев.

– Думаю, Фрэнк прав, – сказала Аннабет. – Группа из четырех человек. Нужно продумать, кого отправить. Нельзя допустить, чтобы богиня сделалась еще... хм... нестабильнее.

– Я пойду, – вызвалась Пайпер. – У меня волшебный голос.

У Аннабет четче обозначились складки у рта:

– Не в этот раз, Пайпер. Ника помешана на соревновании, и Афродита... тоже, хоть и по-своему. Думаю, Ника может увидеть в тебе угрозу.

Раньше Лео обязательно пошутил бы на эту тему: «Пайпер – угроза?» Он относился к девушке как к сестре, но если бы ему понадобилась помощь, чтобы отбиться от шайки головорезов или подавить богиню победы, он вряд ли обратился бы к Пайпер в первую очередь.

Правда, в последнее время... что ж, Пайпер *тоже* изменилась, хотя перемены в ней не так бросаются в глаза, как у Фрэнка. Она победила бореадов, в одиночку порубила в капусту стаю диких гарпий. А ее волшебный голос стал таким мощным, что Лео просто в дрожь бросало. Если бы она велела ему съесть на обед овощи, он, вероятно, слопал бы их на ура.

Кажется, слова Аннабет не огорчили Пайпер, она только кивнула и оглядела друзей:

– И кто же пойдет?

– Джейсону и Перси не стоит идти вместе, – решила Аннабет. – Юпитер и Посейдон – плохая комбинация. Ника легко заставит вас драться друг с другом.

Перси улыбнулся своей девушке:

– Да уж, не стоит нам повторять тот инцидент, случившийся в Канзасе. Я ведь могу и убить старину Джейсона.

– Или я могу убить старину Перси, – любезно откликнулся Джейсон.

– Что лишний раз доказывает мою правоту, – подвела итог Аннабет. – Также не стоит отправлять вместе меня и Фрэнка. Марс и Афина – результат может оказаться в равной степени печальным.

– Ладно, – вмешался Лео. – Значит, от греков идем мы с Перси, а от римлян – Фрэнк и Хейзел. Это окончательный состав идеальной команды мечты, как по-твоему?

Аннабет с Фрэнком переглянулись, точно два прославленных военных стратега.

– Это могло бы сработать, – решил Фрэнк. – То есть ни один состав не будет идеальным, но Посейдон, Гефест, Плутон и Марс... Не вижу здесь очень сильного противоречия.

Хейзел провела пальцем по карте Греции:

– Всё-таки жаль, что мы не можем пройти через Коринфский залив. Я надеялась, мы сможем посетить Дельфы и, возможно, получить какой-то совет. К тому же вокруг Пелопоннеса плыть так далеко.

– Ага, – у Лео упало сердце, когда он увидел, сколько им еще осталось пролететь вдоль побережья. – Сегодня уже двадцать второе июля. Считая сегодня, остается всего десять дней до...

– Я знаю, – перебил Джейсон. – Но Юнона выразилась совершенно ясно: двигаться по короткому пути – самоубийство.

– А что до Дельф... – Пайпер наклонилась над картой; синее перо гарпии у нее в волосах раскачивалось как маятник. – Что там происходит? Если Аполлон лишился своего оракула...

– Видимо, это как-то связано с жутким Октавианом, – проворчал Перси. – Может, он так плохо предсказывал будущее, что Аполлон потерял свой дар?

Джейсон вымученно улыбнулся, хотя его глаза затуманились от боли.

– К счастью, мы можем найти Аполлона и Артемиду, и тогда ты сам сможешь его об этом спросить. Юнона сказала, есть вероятность, что близнецы захотят нам помочь.

– Сколько вопросов без ответов, – пробормотал Фрэнк. – И сколько еще километров нам придется покрыть, пока мы доберемся до Афин.

– Давайте решать проблемы по мере их поступления, – подытожила Аннабет. – Вы, ребята, должны найти Нику и придумать, как ее подавить... что бы Юнона под этим ни подразумевала. Убей, не понимаю, как вы сумеете победить богиню, управляющую победой. Это кажется невозможным.

Лео улыбнулся от уха до уха. Просто не мог сдержаться. Безусловно, у них есть всего десять дней, чтобы помешать гигантам пробудить Гею, а сам он наверняка будет мертв уже к обеду. Но он просто обожал, когда ему говорили, будто что-то невозможно. Словно ему давали пирог с лимоном и меренгой и запрещали им швыряться. Он просто не мог устоять.

– Там видно будет. – Он встал из-за стола. – Дайте только захватить мою коллекцию гранат. Встретимся на палубе, ребята!

Х. Лео

– Так бы и остался там, – сказал Перси, – под кондиционерами.

Они с Лео только что прочесали музей и теперь сидели на мосту через реку Кладеос, болтая ногами над водой, и ждали Фрэнка и Хейзел, отправившихся на разведку в развалины.

Слева от них раскинулась Олимпийская долина (воздух над ней мерцал от полуденного зноя), справа толкались возле автобусов туристы. Хорошо, что «Арго-II» пришвартован метрах в тридцати над землей, едва ли они нашли бы место для парковки.

Лео швырнул камешек, тот рикошетом зашлепал по воде. Юноше хотелось, чтобы поскорее вернулись Фрэнк с Хейзел, потому что он испытывал неловкость, находясь рядом с Перси.

Во-первых, он не мог придумать, о чем можно болтать с парнем, недавно вернувшимся из Тартара. «Смотрел последнюю серию «Доктора Кто»? А, точно. Ты же в это время продирался через Ямы вечного проклятия!»

Перси и раньше-то пришлось через многое пройти: он призывал ураганы, дрался на дуэли с пиратами, убивал гигантов в Колизее...

Теперь же... похоже, после пребывания в Тартаре он перешел на совершенно другой уровень мастерства надирания задниц.

У Лео в голове не укладывалось, что Перси принадлежит к тому же лагерю, что и он сам. Они никогда не находились в Лагере полукровок одновременно. На кожаном шнурке Перси висело четыре бусины – по числу полных лет обучения, на шнурке Лео – ни одной.

Если у них и есть что-то общее, то это Калипсо, и каждый раз, когда Лео думал об этом, ему хотелось заехать Перси по физиономии.

Лео постоянно убеждал себя, что нужно поговорить об этом, просто чтобы разрядить атмосферу, но никак не выпадал подходящий момент. Шли дни, и начать этот разговор становилось всё труднее.

– Что? – спросил Перси.

Лео пошевелился:

– Что «что»?

– Ты так зло на меня уставился.

– Разве? – Лео попытался пошутить или хотя бы улыбнуться, но не смог. – Хм... Извини.

Перси обвел взглядом реку:

– Думаю, нам надо поговорить.

Он протянул руку, и брошенный Лео камешек, вылетев из потока, прыгнул в открытую ладонь Перси.

«О, – подумал Лео, – так мы решили порисоваться?»

Он прикинул, не обрушить ли столб огня на ближайший туристический автобус и не взорвать ли бензобак, но потом решил, что это будет глупо и по-детски.

– Возможно, нам стоит поговорить, но не...

– Ребята, сюда!

Фрэнк махал им рукой с другого конца автомобильной стоянки. Рядом с ним верхом на своем коне Арионе – он появился сам собой, как только они приземлились, – сидела Хейзел.

«Спасен Чжаном», – подумал Лео.

Они с Перси рысцой поспешили навстречу друзьям.

– Это место просто огромно, – доложил Фрэнк. – Развалины протянулись от реки до подножия вон той горы, примерно на полкилометра.

– А в обычных единицах измерения это сколько? – спросил Перси.

Фрэнк возвел глаза к небу:

– В Канаде это и есть обычные единицы измерения, да и во всём мире тоже. Только у вас в Америке...

– Это примерно пять или шесть футбольных полей, – примирительно пояснила Хейзел, скармливая Ариону большой кусок золота.

Перси развел руками:

– Так бы сразу и сказали.

– В общем, – продолжал Фрэнк, – сверху я не заметил ничего подозрительного.

– И я тоже, – кивнула Хейзел. – Мы с Арионом сделали круг по всему периметру. Много туристов – и ни следа сумасшедшей богини.

Огромный жеребец заржал и замотал головой, под светло-коричневой шкурой на шее перекатывались мускулы.

– Ух ты, да твой конь умеет ругаться, – покачал головой Перси. – Кажется, он невысокого мнения об Олимпии.

На этот раз Лео был согласен с конем. Его не прельщала перспектива носиться по полям, где тут и там торчат развалины, проталкиваться через орды потных туристов в поисках богини победы, страдающей раздвоением личности. К тому же Фрэнк, превратившись в орла, уже облетел всю долину. Если уж его зоркие глаза ничего не заметили, может, здесь и нет ничего.

С другой стороны, в карманах пояса для инструментов у Лео лежало множество опасных шуток. Обидно будет возвращаться домой, не взорвав ни одной.

– Значит, пошарим тут вместе, – сказал он, – и пусть неприятности сами нас найдут. Раньше это всегда срабатывало.

Они немного покрутились по округе, избегая туристических групп и ныряя из одной тени в другую. Лео уже не в первый раз поразился, до чего же Греция похожа на его родной штат Техас: невысокие холмы, низкорослые деревья, гудение цикад и гнетущий летний зной. Заменить древние колонны и развалины храмов на коров и колючую проволоку – и Лео чувствовал бы себя как дома.

Фрэнк нашел брошюрку для туристов (нет, правда, этот чувак стал бы читать даже состав консервированного супа) и выдавал друзьям краткие комментарии, поясняя, что есть что.

– Это пропили, – он махнул рукой в сторону вымощенной камнем дороги, по обеим сторонам которой стояли колонны. – Одни из главных ворот в Олимпийскую долину.

– Булыжники! – фыркнул Лео.

– А вон там, – Фрэнк указал на квадратной формы фундамент, похожий на патио мексиканского ресторанчика, – храм Геры, одно из самых древних здешних зданий.

– Еще булыжники! – хмыкнул Лео.

– А вон то круглое нечто, похожее на эстраду для оркестра, – это Филиппейон, посвященный Филиппу Македонскому.

– И еще одна груда булыжников! Первокласные булыжники!

Хейзел, всё так же ехавшая на Арионе, пнула Лео в плечо:

– Неужели тебя ничто не впечатляет?

Лео поднял голову. Выющиеся золотисто-каштановые волосы и золотистые глаза Хейзел в точности походили цветом на ее шлем и меч, словно их отлили из имперского золота. Лео сомневался, что Хейзел воспримет это как комплимент, но по человеческим меркам она являла собой идеальное произведение искусства.

Лео вспомнил, как они вместе путешествовали по Дому Аида. Хейзел провела его через жуткий лабиринт иллюзий. Заставила волшебницу Пасифаю провалиться в воображаемую дыру в полу. Сражалась с гигантом Клитием, пока Лео задыхался в созданном гигантом облаке тьмы. Она разрубила цепи, связывавшие Врата смерти. И за всё это время Лео сделал... почти ничего не сделал.

Он больше не сходил с ума по Хейзел, его сердце осталось далеко отсюда, на острове Огигия. И всё же он не мог не восхищаться Хейзел Левеск – и вовсе не потому, что она сидела верхом на жуткой бессмертной сверхзвуковой лошади, которая ругается как матрос.

Вслух он ничего этого не сказал, но Хейзел, видимо, догадалась, о чем он думает. Она в смущении отвернулась.

Пребывающий в счастливом неведении Фрэнк продолжал работать гидом:

– А вон там... о... – он быстро глянул на Перси. – Вон то полукруглое углубление в холме, которое с нишами, – это нимфеум, построенный во времена Рима.

Лицо сына Посейдона слегка позеленело:

– У меня идея: давайте туда не пойдем.

Лео слышал о том случае в римском нимфеуме: дело едва не закончилось смертью Перси, Джейсона и Пайпер.

– Чудесная мысль.

Они пошли дальше.

Время от времени руки Лео сами собой тянулись к поясу для инструментов. С тех пор как в Болонье пояс украли Керкопы, юноша боялся снова его потерять (хотя вряд ли найдется монстр, настолько же искусный в воровстве, как эти гномы). Интересно, как эти подлые мартышки поживают в Нью-Йорке? Лео надеялся, что они по-прежнему развлекаются, надоедая римлянам, таскают у них блестящие ботинки на молнии и заставляют трусы легионеров спадать в самый неожиданный момент.

– А это Пелопион, – сказал Фрэнк, указывая на очередную впечатляющую грудку камней.

– Да ладно тебе, Чжан, – скривился Лео. – «Пелопион»! Даже слова-то такого нет! И что это такое? Священное место, чтобы «полопать»?

Фрэнк обиженно насупился:

– Это место захоронения Пелопа. Вся эта часть Греции, Пелопоннес, названа в его честь.

Лео подавил желание швырнуть Фрэнку в лицо гранату:

– Полагаю, мне следовало знать, кто такой Пелоп?

– Он был царевичем, завоевал себе жену, выиграв гонку на колесницах. Предположительно, в честь этого события он положил начало Олимпийским играм.

Хейзел фыркнула:

– Как романтично. «У вас замечательная жена, Пелоп». – «Спасибо, я ее выиграл на гонках».

Лео не понимал, как всё это поможет им найти богиню победы. Сейчас ему хотелось победить только стакан холодного напитка и, может быть, пачку начос.

И всё же... чем ближе они подходили к развалинам, тем неудобнее ему становилось. Вспомнилось вдруг, как его старая нянька, тиа Каллида, она же Гера, предлагала ему, четырехлетнему малышу, потыкать палкой змею. Психованная богиня сказала, что это хорошая тренировка для героя, и возможно, она была права. Сейчас Лео только и делает, что тычет палкой во всё подряд в поисках неприятностей.

Он оглядел толпы туристов, задаваясь вопросом, обычные ли это смертные или замаскированные чудовища, вроде эйдолонов, которые охотились на них в Риме. Время от времени ему казалось, что он видит знакомое лицо: его задиристого кузена; подлого учителя Рафаэля из третьего класса; жестокую приемную мамашу Терезу – всех людей, обращавшихся с Лео как с грязью.

Вероятно, их лица ему просто померещились, но он всё равно стал раздражительным. Потом вспомнил, как богиня Немезида появилась перед ним под личиной тетки Розы, человека, на которого Лео был обижен больше всех и которому хотел отомстить. А что, если Немезида где-то поблизости, наблюдает, что Лео будет делать? Он до сих пор не знал наверняка,

выплатил ли он долг богине. Скорее всего, она хочет заставить его страдать еще больше. Возможно, именно сегодня.

Они остановились у широкой лестницы, ведущей к развалинам другого здания – храму Зевса (если верить Фрэнку).

– Когда-то внутри стояла огромная статуя Зевса, сделанная из золота и слоновой кости, – сообщил Чжан. – Одно из семи чудес Древнего мира. Возможно, ее создал тот же чувак, который сделал Афину Парфенос.

– Пожалуйста, скажи, что нам не придется ее искать, – попросил Перси. – Хватит с меня и одной огромной волшебной статуи на одно путешествие.

– Согласна, – Хейзел похлопала Ариона по боку – жеребец проявлял признаки беспокойства.

Лео тоже с удовольствием бы заржал и затопал копытами. Было жарко, он нервничал, хотелось есть. Ему казалось, что они уже какое-то время тыкают палкой змею и она вот-вот кинется на них. Хотелось крикнуть «всё, хватит!» и вернуться на корабль до того, как это случится.

К сожалению, стоило Фрэнку упомянуть храм Зевса и статую, у Лео в мозгах что-то щелкнуло, и он ухватился за эту мысль.

– Эй, Перси, – позвал он, – помнишь статую Ники в музее? Ну, такую, разломанную на куски?

– Помню, и что?

– Разве она не стояла раньше здесь, в храме Зевса? Можешь сказать, что я ошибаюсь. Мне очень хочется ошибиться.

Перси сунул руку в карман и вытащил шариковую ручку Анаклузмос:

– Ты прав. Значит, если Нике где и место... то вероятнее всего здесь.

Фрэнк огляделся по сторонам:

– Я ничего не вижу.

– А что, если нам заняться рекламой, скажем, обуви Adidas? – предложил Перси. – Тогда Ника достаточно разозлится, чтобы показаться?⁶

Лео нервно улыбнулся. Пожалуй, у них с Перси есть еще кое-что общее – дурацкое чувство юмора.

– Да уж, держу пари, это идет вразрез с ее спонсорскими договорами. ЭТО НЕ ОФИЦИАЛЬНАЯ ОБУВЬ ОЛИМПИАДЫ! ТЫ СЕЙЧАС УМРЕШЬ!

Хейзел закатила глаза:

– Вы двое просто невозможны.

За спиной Лео загремел голос, от звука которого содрогнулись развалины:

– ТЫ СЕЙЧАС УМРЕШЬ!

Лео едва не выпрыгнул из своего пояса для инструментов. Он обернулся... и мысленно дал себе пинка. И угораздило же его звать к Адидас, богине немарочной обуви!

Над ним, стоя на золотой колеснице, нацелив копье прямо ему в грудь, возвышалась богиня Ника.

⁶ Игра слов. По-английски имя богини «Ника» звучит как «Nike», то есть совпадает с названием известной компании-производителя спортивной одежды и обуви.

XI. Лео

Золотые крылья – это уже перегиб.

Колесница и две белые лошади – это Лео еще мог понять. Положим, поблескивающее платье без рукавов (Калипсо безумно идет этот стиль, но сейчас не об этом) и сложная прическа из заплетенных в косы волос, увенчанная позолоченным лавровым венком, – тоже нормально.

Ника дико таращила глаза и в целом производила малость безумное впечатление, как будто только что выпила двадцать эспрессо и прокатилась на американских горках, но Лео это не смущало. Он бы даже примирился с тем, что ему в грудь направлено копье с золотым наконечником.

Но эти крылья... отполированные, перышко к перышку, будто отлитые из золота. Лео мог бы восхититься замысловатым произведением искусства, но это немного чересчур, слишком ярко и вульгарно. Если бы ее крылья были солнечными батареями, Ника производила бы столько электроэнергии, что хватило бы на целый Майами.

– Владычица, – заговорил сын Гефеста, – если не трудно, не свернете свои мухобойки? А то у меня сейчас случится солнечный ожог.

– Что?! – голова Ники дернулась вперед, как у переполошившейся курицы. – О... мое великолепное оперение. Хорошо. Полагаю, ты не сможешь умереть со славой, если ослепнешь и обгоришь.

Она сложила крылья. Температура понизилась до нормальных сорока девяти градусов полуденной жары.

Лео быстро взглянул на друзей. Фрэнк стоял неподвижно, оценивающе рассматривая богиню. Его рюкзак даже не превратился в лук и колчан – пожалуй, это было благоразумно. Похоже, он не запаниковал, ведь на этот раз обошлось без превращения в огромную золотую рыбку.

У Хейзел возникли трудности с Арионом: чалый жеребец ржал и взбрыкивал, стараясь не смотреть в глаза белым лошадям, запряженным в колесницу Ники.

Что касается Перси, он держал свою волшебную шариковую ручку так, будто не мог решить, сделать ли несколько выпадов или оставить на колеснице Ники автограф.

Никто не выходил вперед для переговоров, и Лео даже пожалел, что с ними нет Пайпер или Аннабет – вот уж кто хорош в говорильне.

В итоге он решил, что кому-то стоит что-то сказать, пока они все не умерли со славой.

– Итак! – он ткнул указательным пальцем в сторону Ники. – Я пропустил собрание и не помню, чтобы в буклете Фрэнка освещался этот вопрос. Вы можете мне рассказать, что здесь происходит?

Взгляд безумных глаз Ники его нервировал. Неужели у него нос загорелся? Иногда такое случалось – когда он находился в состоянии стресса.

– Мы должны победить! – пронзительно выкрикнула богиня. – Спор должно разрешить! Вы пришли сюда, дабы определить победителя, верно?

Фрэнк кашлянул:

– Вы Ника или Виктория?

– Ар-р-р-р! – богиня схватилась за голову, ее лошади встали на дыбы, и Арион сделал то же самое.

Богиня затряслась и разделилась на два отдельных образа. Странное дело, это напомнило Лео о том времени, когда он ребенком лежал на полу в своей квартире и играл со спиральным дверным стопором, прикрученным к плинтусу. Лео тянул за стопор и отпускал: бдым! Стопор так быстро качался туда-сюда, что казалось, будто он разрывается на две отдельные пружины.

Примерно так выглядела Ника: божественный дверной стопор, расколовшийся надвое.

Слева осталось первое обличье: поблескивающее платье без рукавов, увенчанное лавром темные волосы, сложенные за спиной золотые крылья. Справа стояла другая версия – одетая для войны, в стальном нагруднике и наголенниках. Из-под высокого шлема выбивались короткие темно-рыжие волосы. Белые крылья, пурпурное платье, а к древку копья крепилась римская эмблема размером с тарелку – золотые буквы «SPQR» в лавровом венке.

– Я Ника! – выкрикнул левый образ.

– Я Виктория! – крикнул правый образ.

Впервые Лео понял смысл старого выражения, которое частенько повторял его abuelo⁷, «семь пятниц на неделе». Эта богиня в буквальном смысле говорила две разные вещи одновременно. Два образа продолжали дрожать и меняться местами, и у Лео голова пошла кругом. Его так и подмывало достать инструменты и устранить неисправность в ее карбюраторе, чтобы прекратить это словоизвержение, ведь от такого напряжения ее двигатель мог разлететься на части.

– Я присуждаю победу! – пронзительно кричала Ника. – Когда-то я стояла здесь, в углу храма Зевса, и все благоговели передо мной! Я наблюдала за Олимпийскими играми! У моих ног лежали груды подношений от всех городов-государств!

– Игры к делу не относятся! – вопила Виктория. – Я богиня боевых побед! Меня почитали римские генералы! Сам Август воздвиг мой алтарь в Сенате!

– Ах-х-х! – с надрывом завизжали оба образа. – Мы должны решить! Мы должны победить!

Арион так сильно брыкался, что Хейзел пришлось спешиться, чтобы не оказаться сброшенной на землю. Прежде чем она смогла его успокоить, конь исчез, оставив после себя только повисшее в воздухе облачко тумана.

– Ника, – заговорила Хейзел, медленно делая шаг вперед. – Вы в замешательстве, как и все боги. Греки и римляне на грани войны. Из-за этого две ваши стороны борются друг с другом.

– Я это знаю! – богиня взмахнула копьем, направляя его то вправо, то влево. – Я не могу вынести незавершенного конфликта! Кто сильнее? Кто победитель?

– Владычица, нет победителя, – ответил Лео. – Если эта война начнется, все проиграют.

– Нет победителя?! – Ника выглядела настолько шокированной, что Лео твердо уверился: у него горит нос! – Победитель есть всегда! Один победитель. А все остальные проигрывают, иначе победа теряет смысл! Полагаю, вы хотите, чтобы я выдала грамоты всем участникам? Маленькие пластиковые награды за участие каждому атлету или солдату? Может, нам всем стоит стать в ряд, хлопнуть и прокричать: «Отличная игра!»? Нет! Победа должна быть настоящей, ее нужно заслужить. А значит, она должна достаться кровью и потом, и единственная альтернатива – это поражение.

Лошади богини попытались укусь друг друга, как бы показывая: мы поняли суть дела.

– М-м-м... хорошо, – проговорил Лео. – Вижу, для вас это очень важно. Вот только настоящая война идет против Геи.

– Он прав, – поддержала Хейзел. – Ника, вы ведь правили колесницей Зевса во время последней войны с гигантами, верно?

– Разумеется!

– Тогда вы знаете, что истинный враг – это Гея. Нам нужна ваша помощь, чтобы ее победить. Война идет вовсе не между греками и римлянами.

– Греки должны пожалеть! – взревела Виктория.

– Победа или смерть! – взывала Ника. – Одна из сторон должна восторжествовать!

Фрэнк проворчал:

⁷ Дедушка (исп.).

– Я и так сыт по горло воплями отца у меня в голове.

Виктория гневно посмотрела на него сверху вниз:

– Ты ведь сын Марса? Римский претор? Не верю, что римляне стали щадить греков. Я не могу выносить свое внутренне разделение и смущение, я не могу нормально думать! Убей их! Одержжи победу!

– Не получится, – покачал головой Фрэнк.

Однако Лео заметил, что у Чжана подергивается правый глаз.

Внутри Лео тоже шла борьба. От Ники исходили волны напряженности, так что нервы у юноши натянулись до предела. Он будто бы замер, согнувшись, у стартовой черты и ждет, что кто-то крикнет «марш!». Его мучило навязчивое желание стиснуть шею Фрэнка и давить – очень глупо, учитывая, что длина его ладоней не позволила бы обхватить шею здоровяка.

– Послушайте, владычица Виктория... – Перси попробовал улыбнуться. – Не хотелось бы отрывать вас от чудесного безумия. Может, вы просто перестанете разговаривать сами с собой, а мы зайдем попозже, с гм... оружием побольше и, может, захватим успокоительное?

Богиня взмахнула копьем:

– Вы завершите этот спор раз и навсегда! Сегодня, сейчас вы определите победителя! Вас четверо? Великолепно! Разбейтесь на команды. Может, девушки против юношей?

– Хм... нет... – попробовала возразить Хейзел.

– Рубашки против шкур!

– Определенно нет, – отказалась девушка.

– Греки против римлян! – выкрикнула Ника. – Да, конечно! Двое на двое. Последний оставшийся в живых полубог побеждает, остальные умирают смертью храбрых.

Всё существо Лео охватил дух соревнования. Огромным усилием воли он подавил желание выхватить из пояса для инструментов киянку и обрушить ее на головы Фрэнка и Хейзел.

Теперь-то он понял, как верно поступила Аннабет, отказавшись отправить на задание тех ребят, чьи родители издавна враждовали. Если бы с ними пошел Джейсон, они с Перси уже давно катались бы по земле, вышибая друг другу мозги.

Он заставил себя разжать кулаки.

– Послушайте, владычица, мы не собираемся устраивать тут «Голодные игры». Этого не будет.

– Но, выиграв, ты покроешь себя сказочной славой! – Ника запустила руку в стоявшую на колеснице корзину и вытащила венок из сочных лавровых ветвей. – Этот венец из листьев мог бы стать твоим! Ты бы носил его на голове! Подумай о славе!

– Лео прав, – сказал Фрэнк, не сводя глаз с венка. Лео показалось, что его лицо на миг стало жадным. – Мы не сражаемся друг с другом. Наши противники – это гиганты. Вы должны нам помочь.

– Хорошо! – богиня вскинула руки, не выпуская лавровый венок и копье.

Перси и Лео переглянулись.

– М-м-м... это значит, вы присоединитесь к нам? – спросил сын Посейдона. – Вы можете нам сразаться с гигантами?

– Это будет часть приза, – ответила Ника. – Кто бы ни победил, я буду считать его союзником. Мы вместе выступим против гигантов, и я дарю ему победу. Но победитель может быть только один. Остальные будут побеждены, убиты, полностью уничтожены. Итак, что вы выбираете, полубоги? Желаете победного завершения своей миссии или будете цепляться за сентиментальные представления о дружбе и поощрительные призы всем участникам?

Перси снял колпачок с шариковой ручки, и Анаклузмос принял свою истинную форму, превратившись в клинок из небесной бронзы. Лео беспокоился, как бы сын Посейдона не обратил оружие против своих спутников. Очень трудно сопротивляться исходящей от Ники ауре.

Однако Перси направил меч на Нику:

– А что, если вместо этого мы сразимся с тобой?

– Ха! – у Ники загорелись глаза. – Если вы отказываетесь биться друг с другом, придется вас убедить!

Богиня развернула золотые крылья. В воздухе закружились четыре пера – по два с каждой стороны колесницы. Они стали извиваться, точно гимнасты, начали увеличиваться, у них отросли руки и ноги, и, опустившись на землю, перья превратились в металлические копии богини размером с человека. Каждая держала в руках копье и лавровый венок из небесной бронзы, подозрительно напоминающий летающий диск из колючей проволоки.

– На стадион! – вскричала богиня. – У вас есть пять минут на подготовку. А потом прольется кровь!

Лео хотел было спросить: «А если мы откажемся идти на стадион?» – и получил ответ, не успев задать вопрос.

– Бегом! – рявкнула Ника. – На стадион, не то мои ники убьют вас на месте!

Металлические леди опустили крепящиеся на петлях челюсти и издали звук, сравнимый по мощности с ревом толпы фанатов во время «Супер Боул»⁸. Затем опустили копья и бросились на полубогов.

Это был не самый чудесный момент в жизни Лео. Охваченный паникой, он сорвался с места. Единственным утешением служило только то, что друзья тоже побежали – а они были не робкого десятка.

Четыре металлических женщины топали за ребятами широким полукругом, загоняя их на северо-восток. Все туристы исчезли – то ли вернулись в прохладу оснащенного кондиционерами музея, то ли Ника волшебным образом их прогнала.

Полубоги бежали, спотыкаясь о камни, перепрыгивая через груды обломков, огибая колонны и информационные щиты. За ними по пятам катилась, громохоча, колесница Ники и ржали кони.

Стоило Лео помыслить о том, чтобы сбавить темп, как металлические дамы – как там их назвала Ника? Ники? Никетты? – начинали снова пронзительно вопить, и Лео охватывал ужас.

Он терпеть не мог, когда его охватывал ужас, – чувствуешь себя так неловко.

– Там! – Фрэнк помчался к некоему подобию котлована, зажатого между двумя земляными стенами, над которыми возвышался каменный арочный свод. Лео эта конструкция напомнила туннели, по которым проходят футбольные команды перед выходом на поле. – Это вход на старый олимпийский стадион! Это называется крипта!

– Не самое удачное название! – прокричал Лео.

– Почему мы бежим туда? – задыхаясь, пропыхтел Перси. – Она что, хочет, чтобы мы здесь?..

Никетты снова завизжали, и Лео на время утратил способность соображать. Он побежал к туннелю.

Когда они достигли арки, Хейзел завопила:

– Стойте!

Они резко затормозили. Перси сложился пополам, тяжело, с хрипом дыша. Лео заметил, что в последнее время у сына Посейдона что-то появляется одышка, возможно, из-за отравляющего ядовитого воздуха, которым ему пришлось дышать в Тартаре.

Фрэнк вглядывался в ту сторону, откуда они прибежали:

– Я их больше не вижу, они исчезли.

– Отстали? – с надеждой спросил Перси.

⁸ **Супер Боул** (англ. Super Bowl) – в американском футболе название финальной игры за звание чемпиона Национальной футбольной лиги (НФЛ) Соединенных Штатов Америки.

Лео оглядел развалины:

– Не-а. Просто загнали нас туда, куда хотели. Вообще, что они за твари? Я хочу сказать – эти Никетты?

– Никетты? – Фрэнк почесал в затылке. – Мне казалось, это были ники, во множественном числе, как виктории.

– Да, – казалось, Хейзел глубоко задумалась. – Согласно некоторым легендам, у Ники есть армия маленьких викторий, которых она рассылает по всему свету для выполнения ее приказов.

– Как эльфы Санты, – вставил Перси. – Только злые, металлические и с оглушительным голосом.

Хейзел прижала пальцы к арке, словно надеясь нащупать у нее пульс. За узким туннелем открывалась арена, с двух сторон окруженная земляными стенами: они полого поднимались, образуя нечто вроде мест для зрителей.

Лео предполагал, что когда-то это был открытый стадион, достаточно большой, чтобы устраивать метание диска, копья, толкание ядра или чем там еще занимались эти чокнутые греки ради того, чтобы выиграть пучок листочков.

– Здесь до сих пор есть призраки, – пробормотала Хейзел. – На этих камнях отпечаталось столько боли.

– Пожалуйста, скажи, что у тебя есть план, – взмолился Лео. – Желательно такой, чтобы на этих камнях не отпечаталась еще и моя боль.

Взгляд Хейзел сделался яростным и отрешенным – Лео уже видел у нее такое выражение в Доме Аида, – словно она смотрела на другой уровень реальности.

– Это вход для игроков. Ника сказала, у нас есть пять минут, чтобы подготовиться. Потом она хочет, чтобы мы прошли в арку и начали игры. Нам не позволят покинуть поле до тех пор, пока трое из нас не умрут.

Перси оперся на меч:

– Я абсолютно уверен, что поединок насмерть не входил в число олимпийских видов спорта.

– Ну, а нынче входит, – пробормотала Хейзел. – И всё же, возможно, я смогу обеспечить нам небольшое преимущество. Когда мы войдем внутрь, я постараюсь создать на поле несколько препятствий – пару укрытий, чтобы выиграть время.

Фрэнк нахмурился:

– Вроде тех, что на Марсовом поле? Траншеи и туннели? Ты сотворишь их из Тумана?

– Думаю, да, – кивнула Хейзел. – Вероятно, Нике понравится наблюдать за бегом с препятствиями. Я попробую обратить ее ожидания против нее самой, но это не всё. Я могу использовать любые подземные ворота – даже эту арку, – чтобы получить доступ в Лабиринт. А еще могу поднять часть Лабиринта на поверхность.

– Тише, тише, – Перси сложил руки, как судья, показывающий «тайм-аут». – Лабиринт плохой, мы же это обсуждали.

– Хейзел, он прав, – Лео слишком хорошо помнил, как она провела его по иллюзорному лабиринту в Доме Аида. Там смерть поджидала их на каждом шагу. – То есть я знаю, что ты хороша в магии, но у нас и так на хвосте три визжащие Никетты...

– Вам придется мне довериться, – сказала девушка. – Теперь у нас осталась всего пара минут. Когда мы пройдем через арку, я, по крайней мере, смогу воздействовать на игровое поле, чтобы мы получили преимущество.

Перси выдохнул через нос.

– Меня уже дважды принуждали драться на стадионе – в прошлый раз в Риме, а до этого в Лабиринте. Ненавижу играть в игры на потеху публике.

– Нам всем это не нравится, – вздохнула Хейзел, – но нужно заставить Нику врасплох. Будем делать вид, что сражаемся, а сами постараемся вывести из строя этих Никетт... ух, до чего ужасное имя. А потом подавим Нику, как и говорила Юнона.

– В этом есть смысл, – согласился Фрэнк. – Вы же почувствовали, как сильна Ника, когда она пыталась заставить нас вцепиться в горло друг другу. Если она насылает такие настроения на всех греков и римлян, нам ни за что не предотвратить войну. Нужно взять ее под контроль.

– И как же мы это сделаем? – поинтересовался Перси. – Огреем ее по голове и сунем в мешок?

Шестеренки у Лео в мозгу закрутились.

– Вообще-то, – сказал он, – ты недалеко от истины. Старший братишка Лео принес кое-каких игрушек для всех вас, славные маленькие полубоги.

ХII. Лео

Две минуты – это явно маловато.

Лео надеялся, что раздал друзьям правильные прибаамбасы и доходчиво объяснил, для чего какая кнопка нужна. В противном случае дело примет скверный оборот.

Пока он наставлял Перси и Фрэнк в архимедовой механике, Хейзел пристально смотрела на каменную арку и что-то бормотала себе под нос.

На огромном, поросшем травой поле от этого, кажется, ничего не изменилось, но Лео мог с уверенностью сказать: у Хейзел в рукаве немало Туманных трюков.

Он как раз объяснял Фрэнку, как не дать твоей собственной архимедовой сфере тебя обезглавить, как вдруг над стадионом грянули трубы. На поле появилась колесница Ники; перед ней, подняв копья и лавровые венки, выстроились Никетты.

– Начинайте! – проревела богиня.

Перси и Лео побежали в проход под аркой. В тот же миг поле замерцало и превратилось в лабиринт, состоящий из кирпичных стен и рвов. Юноши нырнули за ближайшую стену и помчались налево. Стоявший под аркой Фрэнк закричал:

– Э-э-э... сдохните, греческие отбросы!

Над головой Лео просвистела стрела, специально пущенная слишком высоко.

– Больше злости! – заорала Ника. – Отнесись к убийству серьезнее!

Лео быстро посмотрел на Перси:

– Готов?

Перси взвесил на ладони бронзовую гранату:

– Надеюсь, ты правильно пометил эти штуки.

Потом с криком «Умри, римлянин!» бросил гранату через стену.

БУМ! Взрыва Лео не видел, однако воздух наполнился масляным запахом попкорна.

– О нет! – вскричала Хейзел. – Попкорн! Наша роковая слабость!

Фрэнк выпустил поверх их голов еще одну стрелу. Лео с Перси крадучись отбежали вправо, пробираясь по лабиринту вдоль стен, которые словно шевелились и перемещались сами по себе. Лео всё еще видел над головой открытое небо, но у него началась клаустрофобия, так что стало трудно дышать.

Где-то позади них Ника прокричала:

– Приложите больше усилий! Этот попкорн вовсе не смертелен!

По грому колес Лео понял, что колесница богини объезжает поле по кругу – Виктория совершает победоносный круг почета.

Над головами Перси и Лео взорвалась еще одна граната. Юноши прыгнули в ров, и всё же зеленые искры греческого огня успели опалить Лео волосы. К счастью, Фрэнк целился достаточно высоко, так что взрыв только выглядел впечатляюще.

– Уже лучше, – раздался голос Ники, – только куда ты целишься? Разве ты не хочешь получить венец из листьев?

– Жаль, речка далеко, – пробормотал Перси. – Мне хочется ее утопить.

– Терпение, маленький водяной.

– Не называй меня «маленьким водяным».

Лео указал на поле. Стены успели сдвинуться так, что стала видна спина одной из Никетт, стоявшей метрах в тридцати от них.

– Я отвлекаю, ты нападаешь, – сказал Лео. – Готов?

Перси кивнул.

– Вперед.

Он помчался влево, а Лео вытащил из пояса для инструментов плотничный молоток с круглым бойком и заорал:

– Эй, Бронзовая Задница!

Никетта обернулась и одновременно Лео метнул молоток. Инструмент, звякнув, отскочил от груди металлической дамы, не причинив ей никакого вреда. Тяжело печатая шаг, она направилась к юноше, поднимая руку с зажатым в ней венком из колючей проволоки.

– Упс, – Лео ничком бросился на землю.

Металлический венок пролетел у него над головой, ударился о стену, под которой прятался Лео, пробив в кирпичной кладке брешь, заложил в воздухе виражи, и, как бумеранг, помчался обратно. Никетта подняла руку, чтобы его поймать, и тут изо рва у нее за спиной вынырнул Перси и, взмахнув Анаклузмосом, рубанул Никетту поперек туловища, разрубив ее пополам. Металлический венок просвистел у него над головой и врезался в мраморную колонну.

– Грязная игра! – вскричала богиня победы. Стены передвинулись, и Лео увидел, как она на полной скорости несется к ним на своей колеснице. – Только тот, кто ищет смерти, посмеет угрожать моим никам!

На пути колесницы образовался ров, лошади встали и заартачились. Лео с Перси побежали в укрытие. Краем глаза Лео заметил, как метрах в пятнадцати от них Фрэнк в обличье медведя гризли спрыгнул со стены на другую Никетту и раздавил ее. Минус две Бронзовые Задницы, осталось еще две.

– Нет! – в ярости закричала Ника. – Нет, нет, нет! Вы оплатите за это жизнью! Ники, в атаку!

Лео и Перси прыгнули за стену и пару секунд лежали, пытаясь отдышаться.

Лео не мог определить, где они находятся, но полагал, что это часть плана Хейзел. Она заставляла местность вокруг них двигаться: создавала рвы, меняла уклон почвы, воздвигала новые стены и колонны. Если повезет, Никеттам будет трудно найти своих противников, ведь им придется потратить несколько минут, чтобы продвинуться на пять метров.

И всё же отсутствие возможности сориентироваться выводило Лео из себя. Сразу вспомнилась беспомощность, охватившая его в Доме Аида, и то, как Клитий душил его в темноте, поглощал его огонь, завладел его голосом. Вспомнилось, как порыв ветра, насланный Хионой, утащил его с палубы «Арго-П» и выбросил за тридевять земель, по другую сторону Средиземного моря.

Лео и без того тощий и слабый. А если еще и не сможет контролировать свои органы чувств, голос и тело... на что же ему тогда полагаться?

– Эй, – позвал Перси, – если мы не выберемся отсюда...

– Заткнись, старик. Мы выберемся.

– ...если мы не выберемся, я хочу, чтобы ты знал: мне жаль, что так получилось с Калипсо. Я ее подвел.

Лео потрясенно уставился на него:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.